

Таисия
Логовская

Дизайн сердца

Таисия Логовская

Дизайн сердца

«Автор»

2026

Логовская Т.

Дизайн сердца / Т. Логовская — «Автор», 2026

Вера Климова пять лет проектировала чужие успехи — пока однажды не отказалась молчать. Теперь у неё есть шестнадцать недель, чтобы спасти старый московский особняк от продажи и доказать: её имя заслуживает стоять под проектом. Максим Берестов — архитектор-реставратор, который не пропустит ни одного красивого решения без расчётов и подписи. Они спорят о каждом узле, вместе вытаскивают дом из аварий, давления студии и чужих амбиций — и слишком поздно замечают, что профессиональное противостояние стало личным. Но чем ближе открытие, тем выше цена одной скрытой правки. Чтобы сохранить дом, карьеру и право на собственное имя, Вере придётся решить, кому она действительно доверяет — и можно ли построить отношения так же честно, как реставрируют старый дом: слой за слоем.

© Логовская Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Таисия Логовская

Дизайн сердца

Глава 1

В парадном вестибюле особняка Бельских пахло сырой известью, застоявшимся осенним холодом и чужими несбывшимися амбициями.

Я перехватила поудобнее тяжелую кожаную папку с планшетами, чувствуя, как ремень врежется в плечо сквозь драп пальто. Правый каблук предательски скользнул на стёртой песчаниковой ступени — здесь, у входа, пол десятилетиями поливали дождевой водой из треснувшего водостока, и камень покрылся тонкой, почти невидимой глазу плесенью. Я вовремя удержала равновесие, опёрлась о дубовый косяк и мысленно добавила к списку первоочередных задач устройство нормальной гидроизоляции цоколя. Если, конечно, меня кто-нибудь спросит.

Меня никто спрашивать не собирался.

В трёх шагах впереди шагал Артём Лавров. На нём было безупречное бежевое пальто из верблюжьей шерсти, на шее небрежно лежал кашемировый шарф, а в правой руке он нёс тонкий кожаный тубус — больше для статусности, чем ради дела. Все рабочие чертежи, раскладки материалов, три варианта планировочных решений и планшеты с трёхмерной визуализацией несла я. Я же вчера до трёх часов ночи вычищала рендеры от артефактов освещения, пока Артём ужинал с арт-директором конкурирующего бюро в закрытом клубе на Патриарших.

— Главное, Вера, держи темп, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. Голос его звучал бодро, с той бархатной снисходительностью, которая когда-то казалась мне признаком уверенности. — Заказчица сложная, избалованная, на эмоциях. Если начнет сыпать вопросами по инженерии — не встречай. Кивай, фиксируй в блокноте, улыбайся. Техническую часть я беру на себя. Ты просто вовремя перелистывай слайды на подставке.

Я промолчала. Во рту стоял кислый привкус крепкого эспresso из бумажного стаканчика, выпитого на бегу у метро. Мне было двадцать девять, пять из которых я провела в студии «Элитное пространство». Пять лет бесконечных правок, чужих подписей в угловых штампах проектной документации и вежливого молчания.

Каждый раз, когда внутри поднималась глухая, острая злость, я вспоминала двадцатое число каждого месяца. Сорок пять тысяч рублей. Ровно столько стоил курс плановой реабилитации отца после операции на позвоночнике, включая ЛФК и медикаменты. Мама на свою скромную пенсию не потянула бы и половины, а зарплата в студии Игоря Савельева, пусть даже на позиции ведущего специалиста без официального статуса, приходила день в день. Терпение было статьёй расходов. Очень конкретной, в сорок пять тысяч в месяц.

Мы поднялись по широкой полукруглой лестнице. Сквозь пыльные свинцовые переплёты высокого арочного окна сочился плоский, белёсый свет осеннего утра. На площадке второго этажа уже ждали.

Александра Бельская стояла спиной к лестнице, засунув руки в карманы свободных серых брюк мужского кроя, и нервно постукивала носком замшевого ботильона по паркету. Ей было около тридцати двух, короткая стрижка открывала тонкую, напряжённую шею, а дорогой кашемировый свитер овсяного оттенка казался слишком хрупким для этого промерзшего, пахнущего запустением здания. Рядом с ней, чуть поодаль, у массивного камина с отколотым углом мраморной полки, стоял высокий темноволосый мужчина в тёмно-синей куртке-парке с капюшоном.

На коленях у мужчины лежал раскрытый жесткий планшет с пожелтевшими листами архивных планов, а на полу у его ног стоял строительный лазерный дальномер и потрёпанная

сумка с инструментами. Его обувь была не для парадных презентаций: добротные ботинки на толстой подошве, покрытые слоем сухой кирпичной пыли у рантов.

— Вы опоздали на семь минут, Артём, — произнесла Александра, резко повернувшись на звук шагов. Глаза у неё были тёмные, сухие, с тенями глубокой усталости под нижними веками. — Я ценю время. Особенно сейчас, когда его практически нет.

— Прошу прощения, Александра Николаевна, мосты и утренний трафик, — Артём обезоруживающе улыбнулся и снял перчатки, обнажив ухоженные пальцы. — Зато мы привезли решение, которое снимет все ваши сомнения. Студия «Элитное пространство» провела колоссальную предпроектную работу. Мы готовы вдохнуть в дом вашей семьи новую жизнь. Сделать его флагманом современного закрытого клуба.

Александра скривилась, словно от зубной боли.

— Не нужно клубных лозунгов. Давайте к делу. Познакомьтесь: Максим Берестов. Архитектор-реставратор. Мой представитель по техническому аудиту и сохранности здания. Максим, это Артём Лавров, ведущий дизайнер проекта от Савельева. И...

Она скользнула взглядом по мне, задержавшись на огромной папке в моих руках.

— Вера Климова, проектный ассистент, — быстро вставил Артём, даже не дав мне открыть рот. — Она поможет с демонстрацией материалов.

Максим Берестов оторвал взгляд от архивного плана и посмотрел прямо на меня. Глаза у него были серо-стальные, внимательные и абсолютно холодные. Он не улыбнулся, не сделал дежурного светского полупоклона — лишь коротко кивнул, скользнув взглядом по моим промокшим носкам туфель, тяжёлой папке и побелевшим от холода пальцам, которыми я сжимала кожаную ручку.

— Добрый день, — негромко произнёс Берестов. Голос у него оказался низким, суховатым, без малейшей интонационной фальши. — Надеюсь, вы привезли обмерочные чертежи, а не только визуализации для журналов.

— Мы привезли комплексную концепцию, коллега, — самодовольно парировал Артём, подходя к чугунному круглому столику, очевидно оставшемуся здесь от прежних хозяев, и жестом подозвал меня. — Ставь сюда, Вера. Сначала титульный, потом генплан и перспективу холла. Планшет на стойку.

Я молча распаковала чехол, установила лёгкий алюминиевый мольберт и водрузила на него первый жесткий лист пенокартона. На титуле крупным матовым шрифтом значилось: «Особняк Бельских. Реновация парадного объема. Концепт-дизайн: Артём Лавров. Студия „Элитное пространство“». Моего имени там не было. Даже мелким кеглем в графе «чертил».

В этот момент на экране айпада, закреплённого на штативе у стены, загорелся зелёный индикатор видеосвязи. Раздался негромкий зуммер, и на дисплее появилось гладко выбритое, лоснящееся лицо Игоря Савельева. Руководитель студии сидел в тёплом, залитом мягким светом кабинете бизнес-центра на фоне стеллажей с европейскими каталогами.

— Александра Николаевна, рад приветствовать! — разнёсся по пустому холлу бодрый голос Савельева через портативный динамик. — Простите, что не лично — подписание в министерстве, никак не мог перенести. Но Артём — наше главное имя, моя правая рука. То, что вы сейчас увидите, результат двух месяцев непрерывной работы нашего лучшего состава. Я лично курировал каждую линию.

Александра даже не повернулась к экрану, лишь нетерпеливо махнула рукой:

— Начинайте, Артём.

Артём расправил плечи, сделал шаг вперёд и заговорил тем выверенным, гипнотическим тоном, которым обычно продают дорогую итальянскую мебель людям с неограниченным кредитом:

— Мы исходили из философии чистого диалога эпох. Историческая ткань особняка великолепна, но она мертва без человека. Мы предлагаем дерзкий, но деликатный жест: раскрыть

глухой вестибюль, убрать тяжёлую продольную стену между лестничным блоком и парадной анфиладой, объединив их в единый атриум. Посмотрите на рендер.

Я сменила планшет.

На качественной глянцевой печати проявилась залитая золотистым светом двухсветная гостиная: стеклянные ограждения вместо сгнивших балясин, встроенные в потолок линейные светодиодные треки, полированный белый керамогранит поверх старых дубовых половиц и лёгкая, парящая консольная мебель. Это была красивая картинка. Я знала её до каждого пикселя — лично отрисовывала эти тени, подбирала отражения в стекле и выстраивала кадр так, чтобы скрыть чудовищную трещину на правом фланге карниза. Но делала это как поисковый эскиз, интерьерную фантазию, которую ещё предстояло приземлить на суровую реальность кирпичной кладки и прогнивших балок.

— Пространство наполняется воздухом, — продолжал вдохновенно вещать Артём. — Старый мраморный камин мы бережно заключаем в капсулу из тонированного стекла с био-очагом внутри. Потолок очищается от поздних наслоений, лепной пояс мы консервируем и подсвечиваем снизу скрытым тёплым профилем...

— Остановитесь, — спокойно произнёс Берестов.

Артём осёкся на полуслове. Савельев на экране прищурился.

— Что-то не так с масштабом? — с лёгким превосходством поинтересовался Артём. — Уверяю вас, здесь выдержаны все современные эргономические нормы...

Берестов подошёл к мольберту. Он не смотрел на Артёма. Он смотрел на чертёж, зажав между указательным и средним пальцами строительный карандаш с плоским грифелем.

— Вы предлагаете демонтировать стену по оси «В», — сказал Максим. Тон его оставался ровным, почти лекторским, но в нём звенела сталь. — Вы назвали её «тяжёлой продольной перегородкой».

— Да. Она дробит пространство, делает входную группу тёмной и душной.

— Эта «перегородка» — капитальная несущая стена толщиной в два с половиной кирпича постройки 1898 года, — Берестов постучал концом карандаша по нижнему сечению плана. — На неё опираются деревянные балки перекрытия второго этажа и анкерные затяжки свода музыкальной гостиной. Если вы снимете с неё нагрузку без возведения временного подкрепляющего металлокаркаса и инъектирования смежных простенков, свод над нами сложится внутрь через сорок восемь часов после начала демонтажа.

В холле повисла тишина. Было слышно, как за разбитым стеклом верхнего яруса во дворе монотонно капает вода с карниза: кап, кап, кап.

Александра перевела взгляд с Берестова на Артёма.

— Это правда?

Артём слегка порозовел у воротника рубашки, но быстро вернул лицу снисходительное выражение:

— Ну, Максим, мы же смотрим архитектурно-художественную концепцию! Разумеется, на стадии рабочей документации наши конструкторы заложат необходимые усиления, швеллеры, перемычки...

— Вы не сможете заложить туда швеллеры, — отрезал Берестов, даже не повысив голоса. — Потому что прямо под этой стеной, в цоколе, проходит сводчатый кирпичный ледник с выкрашивающимся замковым камнем. Любая точечная передача нагрузки от колонн продавит свод в подвал. Дальше. Линейные светодиодные треки в потолке. Вы собираетесь штробить исторический плафон?

— Мы сделаем подвесной гипсокартонный короб с отступом...

— С отступом от чего? От тянутого штукатурного карниза с уникальным растительным модульоном? — Максим наконец поднял глаза на Артёма, и в его взгляде читалась неприкрытая, безжалостная профессиональная брезгливость. — Вы зашьёте гипсокартоном подлинную

лепнину мастерской Шехтеля? Вы вообще вскрывали архивные описи до того, как открыли свой графический редактор? Вы понимаете разницу между памятником регионального значения и бетонной коробкой в Сити?

— Послушайте, коллега! — вмешался с экрана Савельев, в голосе которого зазвучали металлические нотки хозяина положения. — Студия «Элитное пространство» двадцать лет работает на рынке премиального жилья. Мы создаём ликвидный продукт! Если Александра Николаевна хочет получить через четыре месяца функциональное здание, способное принимать закрытые приёмы, нам нужны смелые современные ходы, а не пыльный краеведческий нафталин! Историзм хорош в меру.

— Мера историзма определяется федеральным законом об объектах культурного наследия и физикой материалов, Игорь Владиславович, — сухо ответил Берестов в сторону планшета. — А не вашим желанием продать квадратный метр керамогранита. Ваша концепция — это декоративный вандализм, завёрнутый в красивую обёртку. Она технически опасна и юридически несогласуема. Ни один орган охраны памятников не пропустит снос стены по оси «В» и подвесные потолки поверх лепнины. Это мертворождённый проект.

Лицо Александры потемнело. Она скрестила руки на груди, и я заметила, как побелели костяшки её пальцев.

— Артём, — голос заказчицы звучал обманчиво тихо. — Три недели назад вы уверяли меня, что концепция безупречна. Что вы лично выверили каждый узел. Почему человек, которого я наняла для технического надзора два дня назад, за пять минут доказывает мне, что вы собираетесь обрушить потолок мне на голову?

Артём занервничал. Лоск начал осыпаться с него, обнажая ту самую суетливую растерянность, которую я уже видела три года назад, когда на городском конкурсе жюри задало ему простой вопрос о сечении эвакуационных выходов.

Он резко повернулся ко мне:

— Вера! Где пояснительная записка к разделу перекрытий? Почему ты не вложила расчёт нагрузок в презентационный комплект? Я же просил подготовить альтернативную схему без затрагивания оси «В»!

Это был классический, отработанный маневр. Перевести удар на ассистента. Сделать виноватой молчаливую девочку с папкой, которая что-то там не допечатала, перепутала файлы или забыла вложить нужный лист. Игорь на экране одобрительно замолчал, давая Артёму пространство для манёвра.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод.

Я могла промолчать. Могла покорно опустить глаза, сказать: «Простите, Артём Сергеевич, файл остался на рабочем сервере, я перешлю к вечеру». Студия переиграла бы подачу, Савельев замаял бы скандал, Артём сохранил бы лицо, а я двадцатого числа перевела бы маме сорок пять тысяч рублей. Это было безопасно. Это было привычно.

Но прямо передо мной стоял мольберт с моей визуализацией. На ней была затерта фамилия Климова. А рядом стоял Берестов — единственный человек в этой промёрзшей зале, который за пять минут увидел дом как живой, сопротивляющийся, искалеченный организм, а не как декорацию для чужого банкета.

Если я промолчу сейчас, меня сотрут окончательно. Не Савельев и не Артём — я сама сотру себя.

Я сделала шаг вперёд, выйдя из-за плеча Артёма, и встала между ним и мольбертом. Каблуки сухо шелкнули по песчанику.

— Альтернативной схемы нет, Артём, — отчётливо, спокойно сказала я. Голос прозвучал неожиданно звонко под высокими сводами, и эхо вернуло его обратно, сделав ещё твёрже. — И ты это знаешь. Потому что этот комплект — не рабочий проект и никогда им не был.

Это предварительный эскиз зонирования, который ты забрал у меня в прошлую пятницу, не дожидаясь конструкторской подосновы.

Артём замер, уставившись на неё расширенными глазами:

— Вера, ты с ума сошла? Помолчи...

— Нет, я не помолчу, — я повернулась к Александре, намеренно игнорируя шипение бывшего партнёра и перекосившееся от гнева лицо шефа на дисплее. — Александра Николаевна, стена по оси «В» действительно заложена в проекте 1898 года как несущая. Но это не сплошная кирпичная кладка. В толще стены проходит система дымоходов от старых отопительных печей цокольного этажа. Она не работает как монолит уже больше полувека. Вскрытия, сделанные в семидесятых годах при устройстве здесь районной библиотеки, частично разрушили перевязку швов.

Максим Берестов приподнял бровь. В его взгляде мелькнул острый, неподдельный интерес. Он опустил свой карандаш.

— Откуда у вас эти данные? — спросил он меня. — В городском БТИ планов перепланировки семидесятых годов нет.

— Их нет в БТИ, потому что ремонт делало ведомственное строительное управление без внесения в городской реестр, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Но они есть в фонде технической документации районного архива, папка номер сорок два, дело о ликвидации печного отопления. Я провела там прошлую субботу. Демонтировать эту стену целиком действительно нельзя — здесь Максим абсолютно прав, свод просядет. Но её можно не сносить. Её можно разгрузить через стальные рамы порталного типа, заведённые в существующие дымоходные ниши, не трогая замковые камни подвала.

— Вера! — рявкнул из динамика Савельев, окончательно теряя светский лоск. — Вы нарушаете субординацию! Вы не имеете права делать заявления от имени компании!

— Я делаю заявления от своего имени, Игорь Владиславович, — я даже не взглянула на экран. Сняла с мольберта планшет с красивым глянцевым рендером, положила его на стол лицом вниз и достала из кармана рабочей сумки сложенный вчетверо лист кальки, исчерканный чёрным капиллярным лайнером. — Потому что эту концепцию рисовал не Артём. Её делала я. От первой планировочной сетки до финального рендера. И я знаю каждую слабую точку этой конструкции.

Я развернула кальку прямо поверх планшета Берестова. На полупрозрачной бумаге поверх старого плана были нанесены точные, уверенные линии: трассировка людских потоков, зоны естественного освещения, сервисный контур и те самые порталные усиления в теле старых дымоходов.

— Максим прав и по поводу лепного карниза, — продолжала я, чувствуя, как от отчаянной, ледяной смелости внутри всё сжалось в тугую пружину. — Гипсокартонный короб убьёт пропорции зала. Светодиодные треки сюда ставить нельзя. Но и оставлять пространство без верхнего рассеянного света для публичной функции невозможно — высота потолков пять сорок, оконные проемы ориентированы на север, здесь в три часа дня уже сумерки. Свет нужно давать снизу, с уровня мобильных мебельных пилонов, которые не касаются стен и работают как самостоятельные обратимые элементы. Не повреждая историческую штукатурку.

В зале снова стало тихо. На этот раз тишина была густой, осязаемой.

Артём стоял багровый, судорожно сжимая в руке кожаный тубус, словно дубинку, но не находя слов. На экране планшета беззвучно открывал и закрывал рот Савельев — очевидно, у него зависла связь или он сам отключил микрофон, чтобы выругаться.

Александра Бельская подошла к столику. Она опустила взгляд на развёрнутую кальку, затем перевела его на меня. В глазах хозяйки особняка больше не было скуки. В них горел холодный, цепкий расчёт человека, который внезапно обнаружил, что среди фальшивых монет ему попала одна настоящая.

— Значит, вы, — негромко сказала Александра. — Ассистентка.

— Проектный дизайнер, — твёрдо поправила её я. — Пять лет стажа. Десятки сданных объектов. Без права подписи в этой студии.

Александра повернулась к экрану, где Савельев уже яростно жестикулировал:

— Игорь, замолчите. Слушайте меня внимательно. Договор с вашей студией я пока не расторгаю только по одной причине: мне некогда проводить новый тендер и оформлять документы с нуля. Но ноги Артёма Лаврова на этом объекте больше не будет. Если вы хотите сохранить этот контракт и этот бюджет — ведущим дизайнером и автором проекта будет Вера Климова. Официально. С внесением изменений в приложение к договору до конца сегодняшнего дня. Либо мы прощаемся прямо сейчас, и я публично объясню попечительскому совету, почему «Элитное пространство» не способно отличить капитальную стену от перегородки.

Савельев на экране замер. Его челюсти сжались так, что на щеках обозначились желваки. Он посмотрел на меня долгим, уничтожающим взглядом — взглядом работодателя, которому только что приставили нож к горлу, но который вынужден улыбаться.

— Разумеется, Александра Николаевна, — выдавил он с деревянной вежливостью. — Если вы считаете, что потенциал Веры подходит лучше... мы всегда поддерживаем рост наших молодых талантов. Мы подготовим допсоглашение.

— До пяти вечера, — отрезала Александра. — Скан мне на почту.

Она повернулась к Артёму:

— Вы свободны. Оставьте материалы.

Артём бросил на меня короткий, полный ядовитой ненависти взгляд, круто развернулся на начищенных подошвах и, не прощаясь, зашагал к лестнице. Звук его торопливых шагов гулко раскатился по вестибюлю и затих внизу, сменившись глухим ударом тяжёлой входной двери.

Я стояла неподвижно, не чувствуя пальцев ног в промёрзших туфлях. Сердце колотилось где-то в горле, гулко и больно. Я сделала это. Мост был сожжён за спиной с таким треском, что дым стоял в глазах. Савельев никогда мне этого не простит. Я знала, как устроена студия: меня сожрут при первой же формальной ошибке. Стоит оступиться хотя бы на полшага — и меня выбросят на улицу с волчьим билетом и без гроша выходного пособия.

Но прямо сейчас я стояла посреди этого огромного, израненного дома. И я была его автором.

— Теперь вы, Вера, — Александра повернулась ко мне, и выражение её лица стало предельно жёстким. Вся светская расслабленность слетела окончательно. — Вы получили то, чего хотели: своё имя, проект и карт-бланш. Теперь слушайте мои условия. У нас нет года на академические изыскания и реставрационные вздохи. У нас есть ровно шестнадцать недель.

Я вздрогнула:

— Шестнадцать недель? На весь особняк? Это невозможно. Технологические циклы просушки штукатурки...

— Не на весь особняк, — перебила её Александра. — Мне нужен первый этаж. Вестибюль, парадная лестница, музыкальная гостиная и зимний сад. Аварийная консервация конструкций и законченный интерьер первой очереди. Через шестнадцать недель сюда войдёт пресса, попечители, представители фонда и мой отец. Если к этому дню парадный этаж не откроется для предποказа и презентации культурной программы — финансирование будет закрыто, и мне придётся выставлять дом на продажу инвестору: отец уже держит на столе вариант переделки под сетевой апарта-отель. Вы меня поняли? Шестнадцать недель. Либо мы открываем двери, либо я теряю этот дом навсегда.

Я затаила дыхание. Шестнадцать недель. Четыре месяца на то, чтобы остановить разрушение векового памятника, связать воедино историческую правду и современную функцию и сдать объект под прицелом десятков камер. Это было на грани строительного безумия.

Я перевела взгляд на Максима Берестова.

Архитектор стоял, опершись бедром о массивный край камина, и спокойно перелистывал мою кальку с эскизами. Сосредоточенное лицо практика уже будто раскладывало невозможный дедлайн и мой демарш на отдельные задачи.

— Шестнадцать недель до предпоказа — это катастрофически мало, — заговорил Максим, глядя прямо на Александру, а затем перевёл тяжёлый, оценивающий взгляд на меня. — Но это реально, если мы откажемся от глянцевого мишуры и займемся делом. Только давайте сразу договоримся о правилах на берегу, Вера.

Он сделал шаг вперёд и протянул мне кальку. Его рука была сухой, с короткими чистыми ногтями и следами застарелой ссадины на костяшке указательного пальца — рука человека, который регулярно работает руками на стройке, а не только подписывает сметы в кабинетах.

— Вы получили авторство, — сказал Берестов негромко, но так, что каждое слово легло как гранитная плита. — Поздравляю. Но я здесь не для того, чтобы обслуживать ваши дизайнерские фантазии. Я отвечаю за конструктив, безопасность и сохранность исторической ткани здания. Любое ваше решение — от трассировки проводов до цвета колера на стенах — пойдёт в работу только после моей подписи в общем журнале. Ни один саморез не войдёт в эту штукатурку, пока я не проверю, что за ней находится. Никаких компромиссов ради красивой картинки к предпоказу я не допущу. Если вы попытаетесь обойти меня через заказчицу или Савельева — я остановлю стройку в тот же день.

Я взяла из его рук свой чертёж. Бумага зашуршала между нашими пальцами. Я почувствовала исходящий от него холод улицы и слабый запах табака и влажной шерсти.

Я подняла подбородок и посмотрела ему в глаза снизу вверх, не отводя взгляда:

— Я не собираюсь обходить вас, Максим. Мне не нужна красивая картинка, которая рухнет через год. Мне нужен этот дом — живой, безопасный и настоящий. Но если ваше сохранение исторической ткани превратится в бесконечные беспричинные запреты ради музейной консервации трупа — мы будем спорить по каждому узлу. По фактам и с расчётами в руках.

На секунду в глубине серых глаз Берестова что-то дрогнуло. Уголок его рта едва заметно дёрнулся — не насмешливо, а словно от неожиданного узнавания равного сопротивления.

— Договорились, — сухо ответил он и убрал руки в карманы парки. — Завтра в восемь утра на объекте. В рабочей одежде и без каблуков, Вера. Начнём со вскрытия обшивки за камином. Посмотрим, что этот дом прятал последние сто лет.

Глава 2

У чугунной ограды особняка Бельских воздух казался замороженным до стеклянного хруста, хотя в восемь утра аптечное табло у метро показывало плюс два.

Я сменила вчерашние замшевые туфли на разношенные ботинки с глубоким протектором, надела плотные рабочие джинсы, шерстяную водолазку под горло и непродуваемую куртку с карманами, набитыми карандашами, лазерной рулеткой и металлическим щупом. Плечи от непривычной лёгкости сумки распрямились, зато в затылке пульсировала тупая, тягучая боль: после вчерашнего демарша я спала от силы часа три.

В половине одиннадцатого ночи на корпоративную почту упало официальное уведомление за подписью Савельева. Короткое, сухое, выверенное юристами студии до запятой: с сегодняшнего дня я назначалась ведущим проектным дизайнером первой очереди объекта «Особняк Бельских». Ни слова поздравлений, никаких личных комментариев, ни намёка на увеличение оклада. Просто смена строчки в таблице и ледяной подтекст: теперь за каждый провал отвечать лично мне.

Кованая калитка была не заперта. Она протяжно взвизгнула несмазанными петлями, пропуская меня во внутренний двор.

Вчера сквозь серый осенний морок дом казался просто запущенным, но при утреннем боковом свете его раны проступили безжалостно чётко. Фасад цвета увядшей розы пошел глубокими вертикальными трещинами; штукатурка под окнами второго этажа отслоилась целыми пластами, обнажая тёмный, влажный до черноты дореволюционный кирпич. Водосточная труба по правому флангу лопнула по шву, и наледь на карнизе висела грязными, мутными сосульками. Здание не просто требовало ремонта — оно медленно, методично умирало от сырости.

В парадном вестибюле гудел переносной дизельный теплогенератор. От него пахло соляжкой и горячим металлом, но теплее не становилось: нагретый воздух мгновенно уходил под своды пятиметрового потолка, оставляя пол ледяным.

У подножия лестницы стояли двое.

Максим Берестов был в той же тёмно-синей парке, но поверх неё теперь висел жёлтый светоотражающий жилет с карманом для рации. На голове — строительная каска, под которой непокорно торчали тёмные пряди волос. Рядом с ним стояла невысокая, коренастая женщина лет сорока с небольшим, одетая в плотный пуховик, с заляпанным строительным планшетом в руках.

Когда мои подошвы скрипнули по рассыпанному на песчанике сухому отсеvu, Берестов обернулся. Он бросил быстрый взгляд на мои ботинки, затем на куртку, задержался на лице и чуть заметно кивнул. Без насмешки. Просто зафиксировал, что условие выполнено.

— Вовремя, — сказал он вместо приветствия. Голос сквозь шум тепловой пушки звучал глуховато. — Знакомьтесь. Ирина Сергеевна Зуева, ведущий инженер-конструктор. Её задача — объяснить нам обоим, почему наши смелые идеи могут похоронить нас под завалами. Ирина Сергеевна, это Вера Климова. Тот самый дизайнер, который вчера разгрузил стену дымоходами прямо на презентации.

Зуева оторвалась от планшета. Лицо у неё было обветренное, строгое, с резкими горизонтальными морщинами на лбу и внимательными, слегка прищуренными глазами женщины, которая двадцать лет провела в котлованах и на аварийных перекрытиях.

— Наслышана, — Ирина Сергеевна протянула мне крепкую, короткопалую руку в трикотажной рабочей перчатке без пальцев. Рукопожатие вышло сухим и неожиданно сильным. — Смелая гипотеза, Вера. Архивный шифр я проверила, дело о ликвидации печей действительно существует. Но пока мы не пробьём контрольные шурфы и не снимем обшивку, для

меня эта стена — аварийный элемент первой категории опасности. И я не подпишу ни одного разрешения на работы в зоне вестибюля, пока не увижу тело кладки.

— Я понимаю, — ответила я. — Я здесь именно за этим. Нам нужна подоснова, а не догадки.

— Это радует, — Зуева хмыкнула и повернулась к Максиму. — Редкое качество для декораторов. Обычно они начинают плакать, когда я требую содрать красивую панель.

— Вера не декоратор, — негромко бросил Берестов, перекладывая в пальцах тяжёлый лазерный дальномер. — Она вчера это достаточно доходчиво доказала.

Я не успела среагировать на его реплику: со стороны служебного коридора послышался перестук каблучков и металлическое бряканье ключей.

В холл быстрым, нервным шагом вошла Александра Бельская. Сегодня на ней было строгое шерстяное пальто графитового цвета и плотные перчатки. Следом за ней шла пожилая женщина в старомодном вязаном берете и длинном стеганом пальто. В руках она несла увесистую связку старых амбарных ключей на медном кольце.

— Доброе утро, — Александра остановилась, окинув нашу группу требовательным взглядом хозяйки, которая чувствует себя не в своей тарелке, но изо всех сил держит оборону. — Вижу, все в сборе. Познакомьтесь: Софья Андреевна. Хранительница этого дома. Она вела хозяйство ещё при моей бабушке, знает здесь каждый угол и каждую протечку. Софья Андреевна, это команда проекта. Максим, Ирина и Вера.

Пожилая женщина смерила нас настороженным, недоверчивым взглядом. Морщинистое, строгое лицо с тонкими, плотно сжатыми губами выражало глубокую обиду человека, в чью запечатанную крепость без спроса вломились чужаки с ломami и лазерами.

— Здравствуйте, — тихо, со сдержанной сухостью произнесла Софья Андреевна. — Только не ломайте ничего зря. Александра Николаевна говорит — реставрация. А я тридцать лет смотрю, как приходят с папками, всё расковыряют, пыль поднимут и уходят. А дом потом зимой плачет.

— Мы не уйдем, Софья Андреевна, — сказала я, сделав полшага вперёд. — И зря ломать никто ничего не станет. Нам нужно понять, где ему больнее всего.

Женщина взглянула на меня исподлобья, задержала взгляд на моем простом свитере и перепачканных мелом пальцах и чуть заметно поджала губы, но ничего не ответила, лишь крепче сжала связку ключей.

— Меньше лирики, господа, — нетерпеливо вмешалась Александра. Она стянула перчатку и взглянула на тонкие золотые часы. — До предποказа остаётся ровно шестнадцать недель. Мой отец вчера подтвердил: промежуточный отчёт по первой очереди он ждёт через месяц. Если мы не покажем внятную динамику и утверждённый визуальный план, транш на строительно-монтажные работы будет заморожен. Максим, с чего мы начинаем?

— С правды, — ответил Берестов. Он надел каску и жестом указал на узкий проход под лестницей. — Начнём с обхода. Вера, фиксируйте дефекты в свой журнал. Ирина Сергеевна, за вами конструктив.

Следующие полтора часа превратились в методичное, безжалостное вскрытие иллюзий.

Мы шли по анфиладе первого этажа, и с каждым шагом мой вчерашний проект — выверенный, чистый, собранный на мониторе с глянцевой точностью — рассыпался в пыль.

В бывшей приемной дубовый наборный паркет оказался не просто изношенным: под слоем советского линолеума, постеленного прямо на газеты 1974 года, дерево сгнило до состояния чёрной трухи. Нога в ботинке пружинила, как на торфяном болоте.

— По лагам грибок, — констатировала Зуева, ткнув стальным щупом в зазор между плашками. Щуп ушёл вглубь на пять сантиметров без малейшего сопротивления. — Всю половую доску под демонтаж до балок перекрытия. Если балки тоже поражены — придётся ставить временные металлические разгрузочные стойки в подвале.

— Это минус две недели от графика, — сухо заметил Берестов, делая пометку в своём блокноте.

— Это минус три недели и треть бюджета парадного этажа, — отрезала Ирина Сергеевна. — Иначе ваши гости на открытии уйдут прямо в винный погреб.

В зимнем саду — моем главном козыре, где на рендерах раскинулась воздушная лаунж-зона с живыми растениями и скрытой подсветкой — царил ледяной сквозняк. Огромный остеклённый фонарь над головой держался на чугунных ребрах, покрытых хлопьями ржавчины. Из шестидесяти четырёх сегментов исторического фигурного стекла целыми остались едва ли треть; остальные проёмы были заколочены фанерой или затянуты мутным полиэтиленом, хлопавшим на ветру.

— Здесь течёт по всем стыкам, — Берестов посветил мощным фонарем вверх, выхватывая из полумрака почерневшие потёки на чугуне. — Свинцовые переплёты деформированы. Если мы подадим сюда тепло от пушек, чугун начнёт расширяться, и оставшиеся подлинные стёкла просто лопнут от внутреннего напряжения.

— Значит, заменим стеклопакетами в алюминии, — бросила Александра, кутаясь в воротник пальто. — Быстро, герметично и тепло.

Максим опустил фонарь и посмотрел на неё так, словно она предложила обклеить фасад сайдингом:

— Это памятник, Александра. Остекление фонаря зимнего сада входит в предмет охраны по охранному обязательству 2018 года. Поставите алюминиевый профиль — орган охраны памятников опечатает здание на следующий день, а вас оштрафует на сумму, сопоставимую со стоимостью всего ремонта. Стекло можно только реставрировать либо воссоздавать по историческим чертежам методом ручной выдувки.

— И сколько это займёт? — в голосе Бельской зазвенели панические нотки.

— Сначала нужно обследовать сохранившиеся сегменты и получить технологический расчёт от профильной мастерской. Ручное радиусное стекло — длинный цикл; сейчас я не назову срок, которого не могу подтвердить.

Александра побледнела. Она резко повернулась ко мне:

— Вера! Вы слышите это? Полгода! У нас нет полугода! Вы обещали живое пространство! Как вы собираетесь открывать эту оранжерею через шестнадцать недель без крыши?

Я смотрела вверх, на ржавые ребра чугунной паутины, на грязный полиэтилен, сквозь который пробивалось бледное солнце. Внутри всё сжалось. Стандартный евроремонт премиум-класса здесь не работал. Вся методология Савельева, которой меня пичкали пять лет — зашить гипсом, закрыть панелями, натянуть плёнку, сдать картинку и забыть — разбивалась об эти стены в первые же минуты. Дом сопротивлялся фальши. Он требовал либо честности, либо признания собственного поражения.

— Мы не будем ставить пластик, — сказала я, чувствуя, как от собственного голоса возвращается хладнокровие. — Но и обещать историческое остекление к предпоказу без расчёта мастерской не станем. Значит, сейчас зимний сад идёт в первую очередь как законсервированное пространство. Сверху закрываем аварийный контур временной светопрозрачной защитой, чтобы остановить воду. А внутренний слой оставляем обратимым и честным — без имитации старого стекла. Когда получим реальный производственный срок, решим, что именно показываем публике.

Берестов стоял неподвижно, зажав фонарь под мышкой. Он слушал меня молча, и в полумраке оранжереи я не могла разобрать выражения его глаз.

— Временный контур по кровле согласуем как противоаварийные меры, — негромко произнёс он, обращаясь скорее к Зуевой, чем ко мне. — Это пройдёт без проекта полной реставрации. А для любого временного решения внутри отдельно проверим нагрузку на чугун и пожарные сертификаты.

— Проверю варианты, — ответила я.

— Идёмте дальше, — Берестов развернулся к выходу. — В музыкальную гостиную. Там нас ждёт главный сюрприз.

Музыкальная гостиная примыкала к парадному вестибюлю. Это был высокий, вытянутый зал с тремя узкими окнами, выходившими в глухой двор-колодец. Вчера на рендерах я планировала сделать здесь камерный зал для переговоров и закрытых приёмов: гладкие стены цвета мокрого шёлка, скрытая подсветка и строгая геометрия минимализма.

Но прямо сейчас комната выглядела чудовищно.

Вся восточная стена — та самая, что делила гостиную с вестибюлем и несла на себе дымоходы — была наглухо зашита лакированными щитами из прессованного ДСП тёмно-коричневого цвета. Типичное наследие семидесятых, когда в особняке размещался филиал районной библиотеки с картотекой и читальным залом. Панели рассохлись, между ними зияли кривые щели, а снизу, у плинтуса, дерево вздулось и покрылось белёсым налётом солевых выцветов.

— Вот ваша ось «В», — Зуева подошла к стене и с размаху ударила по панели ладонью. Раздался глухой, дребезжащий звук пустоты. — Обшивка на деревянном каркасе. Каркас прибит к кирпичу дюбелями полувековой давности. Что там внутри — одному богу известно. Стена сырая. Дымоход тянет влагу из подвала, как насос.

— Мы не можем терять здесь время, — Александра нервно заходила по скрипящему полу. — Игорь Савельев вчера прислал мне альтернативное предложение на почту. Он предлагает не трогать обшивку. Обработать антисептиком, защитить поверхность влагостойким гипсокартоном в два слоя, нанести венецианскую штукатурку под мрамор и смонтировать панели из шпона американского ореха. Это займет четыре дня! Четыре дня, Вера! И гостиная будет выглядеть на миллион долларов.

Я подошла к стене. Провела пальцем по стыку рассохшегося ДСП. Из щели пахло могильным, затхлым холодом и старой, полусгнившей извешткой.

— Если мы зашьём это гипсокартоном, — тихо сказала я, — через два месяца под ним вырастет чёрная плесень. Влага никуда не денется. Она пойдёт вверх, в балки перекрытия, и вылезет жирными пятнами на вашем ореховом шпоне прямо во время предпоказа.

— Савельев утверждает, что есть гидроизоляционные мембраны... — начала Александра, но я резко повернулась к ней:

— Савельев сидит в тёплом офисе и прикрывает задницу своей студии! Ему плевать, что будет с этим домом через полгода, когда он подпишет закрывающие акты и заберёт остаток по смете! Вы наняли меня ведущим дизайнером. Так вот моё профессиональное решение: никакого гипсокартона поверх гнили. Здесь не будет венецианской штукатурки. Мы снимаем обшивку. Прямо сейчас.

В комнате повисла тишина. Софья Андреевна в дверях слабо ахнула, прижав сухонькую ладонь к щеке. Александра замерла, сжав губы в тонкую нить.

Берестов стоял у окна, прислонившись плечом к откосу. На его лице промелькнуло подобие скупой, сдержанной улыбки — жёсткой, но одобрительной.

— Наконец-то, — произнёс он. Он вытащил из кармана рацию и нажал тангенту: — Гриша, поднимай ребят с монтажками и перфоратором в музыкальную гостиную. Аккуратно. Снимаем столярку семидесятых.

Через пять минут в зал вошли двое крепких рабочих в серых комбинезонах с эмблемой реставрационной мастерской Берестова. В руках у них были гвоздодёры, монтировки и широкие строительные шпатели.

— Начинайте с левого края, от угла, — распорядилась Ирина Сергеевна, отходя на безопасное расстояние и надевая защитные очки. — Гвозди не рвать с мясом, сначала подрезать дюбели. Не повредите кирпич.

Первый лакированный лист ДСП затрещал, сопротивляясь металлу. Завизжали ржавые советские гвозди. В воздухе мгновенно повисла едкая, сухая пыль, пахнувшая вековой гарью, мышиным помётом и осыпающейся известью. Я натянула воротник водолазки на нос, не отводя глаз от расширяющейся щели.

Рабочие поднажали. С глухим стуком полутораметровый щит отвалился от стены, обнажив бруски деревянной обрешетки, почерневшие от сырости.

— Стоп! — неожиданно рявкнул Берестов.

Голос его хлестнул, как бич. Рабочие замерли с ломami наперевес.

Максим шагнул вперёд, сквозь облако пыли, включил фонарь и направил узкий луч в проём за оторванной панелью.

— Фонарь сюда, — позвал он Зуеву. — И шпатель с мягким лезвием. Живо.

Я подошла ближе, чувствуя, как пыль скрипит на зубах. Холод от кирпича бил в лицо.

За советской деревянной рейкой, под толстым слоем серой паутины и осыпавшегося строительного мусора, темнел не кирпич. Там была штукатурка. Но не грубая известковая затирка, а тончайшая, гладкая, как кость, поверхность левкаса.

Берестов опустил на одно колено. Кончиком шпателя, с ювелирной осторожностью хирурга, он смахнул слой пыли и остатки полусгнившего войлока, которым строители семидесятых затыкали пустоты.

Луч фонаря дрогнул и замер.

Из-под вековой грязи проступил цвет.

Это был не блёклый советский колер и не типовой охристый тон казенных учреждений. На гладкой поверхности проявился фрагмент сложного, виртуозно выписанного растительного орнамента: переплетающиеся стебли ирисов глубокого, почти чернильного индиго, переходящие в приглушённую, дымчатую бирюзу и бледное, матовое золото. Краска лежала плотно, с лёгким восковым блеском, словно её нанесли только вчера.

— Господи помилуй... — прошептала за моей спиной Софья Андреевна. Она подошла вплотную, забыв про пыль, и её старые пальцы мелко задрожали у груди. — Роспись... Бабушка говорила, была роспись, а потом, при ремонте под библиотеку, велели всё сбить, чтоб буржуазных пережитков не оставалось. А мастера, видать, пожалели... Обрешетку набили прямо поверх, не сбивая под ноль!

— Они забили дюбели только по углам, — выдохнула Зуева, обследуя стену шупом. — Посмотрите. Они оставили воздушный зазор в пять сантиметров. Левкас дышал все эти пятьдесят лет.

Александра стояла рядом со мной, не шевелясь. Её глаза были широко раскрыты. Она медленно протянула руку в перчатке, словно хотела коснуться синего ириса, но Берестов резко перехватил её запястье:

— Не трогать. Руками не касаться. Красочный слой нестабилен, может пойти шелушение от перепада влажности.

Александра даже не возмутилась его грубости. Она лишь перевела потрясённый взгляд на меня:

— Вера... Что это?

— Это модерн, — сказала я, чувствуя, как по коже бегут мурашки. — Чистый, подлинный модерн рубежа веков. Но это не Шехтель. У Шехтеля другая геометрия цветка, более тяжелая, текучая. Здесь рука легче, тоньше. И эта палитра... кобальт с терракотой. Я никогда не видела таких сочетаний в официальных каталогах особняков этого района.

— Потому что в каталогах этого нет, — глухо отозвался Берестов. Он поднялся с колен, отряхивая брюки, но взгляда от стены не отрывал. — Ребята, снимайте остальные щиты. Медленно. Вручную, без ломов. Откручивайте каждый саморез.

Следующие сорок минут мы работали в звенящей, напряжённой тишине, нарушаемой только скрипом откручиваемого металла и шорохом осыпающейся штукатурной крошки.

Один за другим со стены сходили уродливые коричневые листы. И вместе с ними уходила полувекковая казенная слепота.

Стена музыкальной гостиной раскрывалась перед нами, как страница драгоценного манускрипта. Орнамент с ирисами шёл широким фризом по всему верхнему периметру, обрамляя сложную композицию из стилизованных ветвей и трав. Да, были утраты: в местах, куда строители вбили деревянные пробки, штукатурка выкрошилась воронками, кое-где краска пошла сеткой кракелюра от сырости, но почти семьдесят процентов первоначального слоя уцелело под защитой фальшпанелей.

Мой вчерашний рендер с минималистичными серыми стенами и скрытой подсветкой окончательно умер. И слава богу. Закатывать такую стену в современный глянец было бы преступлением, за которое нужно лишать диплома на месте.

Но главный сюрприз ждал нас в правом углу, у самого сопряжения с фасадной стеной.

Когда рабочий осторожно снял последний узкий щит, закрывавший технологическую нишу старого дымохода, ломик звякнул не о кирпич. Он ударился о глухое, мореное дерево.

— Здесь пустота, — сказал рабочий, посветив в щель между кирпичными пилонами. — Ниша заложена досками.

— Открыть, — коротко бросил Берестов.

Доски не были частью советского ремонта. Это были широкие дубовые плахи, почерневшие от времени, подогнанные друг к другу с идеальной плотностью и зафиксированные старой кованой скобой.

Максим взял у рабочего монтировку сам. Он действовал методично, выверенно, поддевая металл точно в стыках, чтобы не расколоть массив. Старый кованый гвоздь с протяжным, сухим стоном поддался и вышел из гнезда, осыпав его рыжей ржавчиной. Дубовая створка сдвинулась.

За ней открылась неглубокая стенная ниша — бывший потайной хозяйственный шкаф, устроенный в теле неработающего дымоходного канала.

Внутри, на узкой дубовой полке, под толстым слоем серой, пушистой пыли, не тронутой десятилетиями, лежали вещи.

Сверху стояла жестяная коробка из-под чая товарищества «Высоцкий и Ко» с облупившейся позолотой. Рядом лежала стопка пожелтевших квитанций, перевязанных истлевшей бечёвкой. А под ними — массивный, толстый альбом в тёмно-зелёном тканевом переплете, туго завязанный шёлковой тесьмой, выцветшей от времени почти до белизны.

Воздух в комнате словно сгустился. Никто не шевелился. Рабочие замерли, опустив инструмент.

Я сделала невольный шаг вперёд, затаив дыхание. Рука сама потянулась к альбому — профессиональный инстинкт, жажда увидеть первоисточник, разгадать тайну этой невероятной синей росписи жгла пальцы.

— Стойте, — негромко, но твёрдо произнёс Берестов.

Он не коснулся меня, но встал так, что перекрыл доступ к нише. Его серые глаза смотрели строго и предупреждающе.

— Это не строительный мусор, Вера. И не собственность студии «Элитное пространство».

Я опомнилась и отдернула руку, чувствуя, как к щекам приливает краска от неловкости. Он был прав. Абсолютно, кристально прав. Я нарушила границу.

Берестов повернулся к Александре Бельской:

— Александра Николаевна. Это личные вещи ваших предков. Никто из нас не имеет права прикасаться к ним без вашего разрешения.

Александра подошла к нише. Её лицо было бледным, почти прозрачным в холодном свете гостиной. Она сняла вторую перчатку, и её пальцы коснулись выцветшей зелёной ткани переплёта. Смахнув слой вековой пыли, она замерла.

На тиснёной обложке, в обрамлении тонкого золотого вензеля, тускло блеснули две выдавленные буквы: «Е. Б.».

— Елизавета... — тихо выдохнула Александра. Голос её сорвался. — Это вещи Елизаветы.

Она не стала развязывать тесьму. Она стояла посреди промёрзшей комнаты, прижимая ладонь к старой ткани, и я видела, как тяжело вздымаются её плечи. Дом перестал быть просто квадратными метрами, за которые нужно отчитаться перед деспотичным отцом. Он заговорил.

— На сегодня вскрытия закончены, — тихо сказала Александра, не оборачиваясь. — Софья Андреевна, принесите чистую бумагу и коробку. Мы перенесём это наверх, в кабинет.

Она повернулась ко мне и Максиму растерянно, почти беспомощно — будто перед ней внезапно распахнулась бездна чужой, забытой жизни.

— Завтра в десять, — сказала она. — У нас будет тяжелый день.

Когда они с Софьей Андреевной вышли, бережно унося найденные бумаги, мы с Максимом остались посреди разгромленной, засыпанной штукатуркой гостиной. Рабочие выносили обломки ДСП в коридор.

Берестов подошёл ко мне, снял каску и вытер лоб тыльной стороной ладони, оставив на коже полосу серой извести.

— Ну что, ведущий дизайнер Климова, — произнёс он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на тёплую, едва уловимую иронию. — Ваша глянцева концепция приказала долго жить. Что рисовать будете?

Я посмотрела на стену. На синие ирисы, пробившиеся сквозь пятьдесят лет темноты и советского прессованного картона.

— Буду рисовать правду, Максим, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Ту, которую этот дом заслужил. Даже если ради неё нам придётся спорить за каждый миллиметр.

— Придётся, — спокойно согласился он, протягивая мне мой упавший строительный карандаш. — Можете даже не сомневаться.

Глава 3

К понедельнику особняк Бельских окончательно перестал притворяться благородной руиной и стал тем, чем являлся на самом деле: сырой, промерзшей стройплощадкой без отопления и с туманными перспективами.

Утренний туман висел над переулком плотной серой ватой. В парадном вестибюле пахло жжёной солярой от тепловой пушки и мокрой пылью от разобранных накануне советских щитов. На полу лежали аккуратные штабели промаркированных досок, а на расчищенном пятачке у заложенного камина рабочие Берестова установили широкий верстак из неструганных досок на козлах, накрыв его куском плотного строительного полиэтилена. Это было единственное ровное место в радиусе двадцати метров.

Игорь Савельев появился ровно в десять.

Владелец студии «Элитное пространство» не любил выезжать на объекты до чистовой отделки. Он считал, что статус руководителя измеряется расстоянием между его ботинками и строительным мусором. Сегодня на нём было пальто из ангоры цвета мокрого асфальта, мягкий кашемировый шарф и начищенные до зеркального блеска оксфорды, которые он испачкал известкой на первой же ступени крыльца. Я видела в окно, как он на секунду замер у входа, с брезгливой тоской посмотрел на серый налёт на тонком ранте, но сдержался, глубоко вздохнул и толкнул дубовую створку.

За ним лёгкой, виноватой тенью скользнула Марина Орлова, наш проектный координатор. В руках она несла пухлую кожаную папку со студийными бланками и ноутбук в противоударном чехле. Когда наши взгляды встретились, Марина чуть заметно повела бровью — этот жест на нашем тайном офисном языке означал: «Будь осторожна, он в бешенстве».

Вчера вечером Марина нарушила все корпоративные инструкции и переслала мне на личную почту черновик дополнительного соглашения, составленный юридическим отделом студии. Тот самый документ, который Савельев клятвенно обещал Александре Бельской подписать ещё в пятницу.

Я открыла файл в полночь, сидя на кухне с кружкой остывшего ромашкового чая, и долго смотрела в экран, чувствуя, как внутри закипает холодная, злая ясность. Савельев оставался верен себе. В его редакции моё имя действительно появилось в тексте — но исключительно в статусе «ответственного исполнителя рабочей группы». Все ключевые полномочия — утверждение ведомостей, согласование изменений, выбор субподрядчиков и, главное, единоличное право подписи на проектных листах — оставались за «уполномоченным представителем Исполнителя». То есть за самим Савельевым. Или за Артёмом, если Игорь решит вернуть его через две недели, когда уляжется пыль. Меня просто делали громоотводом: работаешь ты, ошибаешься ты, а решает и получает лавры студия.

— Доброе утро, коллеги, — голос Савельева прозвучал гулко, наполнив вестибюль той бархатной, уверенной теплотой, которой он обычно открывал годовые собрания акционеров. Он подошёл к верстаку, небрежно бросил на полиэтилен пару замшевых перчаток и огляделся по сторонам, словно прикидывая, сколько стоит содрать старинный карниз и заменить его полиуретаном. — Бодрящая атмосфера. Настоящий реставрационный дух. Александра Николаевна ещё не спустилась?

— Она в архиве на втором этаже, разбирает описи с Софьей Андреевной, — ответила я, выкладывая на верстак распечатанный текст договора с моими карандашными пометками на полях. — Будет через пять минут.

Савельев перевёл на меня взгляд. Улыбка на его лице осталась прежней — широкой, открытой, белозубой, — но глаза сузились, превратившись в две холодные щели.

— Верочка, — протянул он почти ласково, подходя ближе. — Чудесно выглядишь. Рабочий комбинезон тебе, кстати, идёт куда больше строгих жакетов. Хотя твой пятничный спектакль... признаться, удивил. Игорь Владиславович двадцать лет в бизнесе, но такой прыти от младших сотрудников я давно не видел.

— Я пять лет веду ваши флагманские объекты, Игорь Владиславович, — спокойно отозвалась я, глядя ему прямо в переносицу. — И прыть здесь ни при чём. Если бы мы в пятницу согласовали снос стены по оси «В», к сегодняшнему утру студия уже оплачивала бы судебные иски по обрушению перекрытий.

— Бизнес — это искусство манёвра, Вера, — наставительно произнёс он, слегка понизив голос, чтобы не слышали рабочие в коридоре. — Ошибки случаются у всех. У Артёма был сложный месяц. Но выносить внутреннюю кухню перед ключевым заказчиком... Это не просто непрофессионально. Это пахнет предательством команды. Мы же одна семья. Студия вкладывает в вас ресурсы, даёт имя, прикрывает своей страховкой и репутацией. А ты берешь и выкручиваешь мне руки при клиенте.

— Я защитила проект, который нарисовала сама.

— Ты защитила своё эго, — мягко перебил Савельев. — Но я человек незлопамятный. Талантливым людям можно простить лёгкую истерику, если она конвертируется в результат. Я привёз новое приложение к контракту. Марина всё подготовила. Мы закрываем конфликт, фиксируем тебя ведущим специалистом, добавляем двадцать процентов к твоей проектной премии по итогам сдачи объекта. Но парадом командует студия. В прессе, в документах и на авторском надзоре. Это не обсуждается.

Он сделал знак Марине. Та торопливо расстегнула папку и выложила на верстак три скрепленных экземпляра с синими студийными печатями.

Я даже не потянулась к ручке.

— Двадцать процентов премии, которая выплачивается на усмотрение генерального директора после подписания финального акта? — спросила я, и сухая усмешка сама искривила мои губы. — Спасибо, Игорь Владиславович. Но в вашей редакции приложения я не значусь даже автором интерьерных решений. В графе согласований стоит только ваша подпись.

— А чья там должна стоять? — в голосе Савельева впервые прорезалось сухое, металлическое раздражение. — Ты наёмный работник, Вера. У тебя стандартный трудовой договор. Все исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности принадлежат работодателю. Ты получаешь зарплату дважды в месяц. Ровно и без задержек. Кстати, о твоих семейных обстоятельствах я помню и всегда шел навстречу с авансами. Не забывай об этом.

Удар был точным, расчётливым и подлым. Он напомнил мне про сорок пять тысяч рублей за реабилитацию отца так буднично, словно просто стряхнул пылинку с рукава. Вот она, цена моей лояльности. Сиди тихо, бери деньги, отдавай чертежи и не смей претендовать на собственное имя.

В горле встал горький ком, но я заставила себя не отвести взгляда. Если я дрогну сейчас, Савельев переломит меня через колено и больше никогда не выпустит из разряда чертёжниц за ширмой.

Со стороны парадной лестницы раздались тяжёлые, размеренные шаги.

Максим Берестов спустился по ступеням, держа под мышкой свёрнутый в рулон лавсановый планшет с обмерами подвала. На нём была всё та же рабочая парка, испачканная кирпичной крошкой, и серый шерстяной свитер грубой вязки с высоким воротом. Никаких следов утреннего лоска. Архитектор подошёл к верстаку, молча бросил планшет на край стола и кивнул присутствующим:

— Доброе утро. Игорь Владиславович, смотрю, вы добрались до нашего нафталина.

Савельев поморщился, но тут же натянул светскую мину:

— Максим, добрый день. Рад видеть в добром здравии. Мы как раз финализируем формальности по проектной группе. Устраняем досадные недоразумения пятницы.

В этот момент со второго этажа спустилась Александра Бельская. Сегодня она выглядела собранной и неестественно бледной. Тёмные круги под глазами стали глубже, пальцы нервно сжимали тонкий картонный скоросшиватель с архивными выписками. На ней был простой шерстяной жакет поверх белой футболки и те же удобные ботинки, что и позавчера. Она не стала тратить время на приветствия, подошла к столу и бросила короткий взгляд на разложенные бумаги:

— Текст готов?

— Да, Александра Николаевна, — Савельев пододвинул к ней верхний экземпляр, услужливо протянув тяжёлую перьевую ручку. — Полный порядок. Все требования по кадровому составу учтены. Студия берёт на себя всю полноту гарантийных обязательств. Вера приступает к руководству рабочим процессом в рамках установленного графика.

Александра потянулась к документу, но я положила ладонь прямо на середину листа.

Бумага была гладкой, дорогой, плотной — Савельев никогда не экономил на презентационных материалах. Мои пальцы после двух часов на холоде казались красными и грубыми на фоне этого белого глянца.

— Этот вариант подписывать нельзя, — сказала я.

Тишина, наступившая в холле, была мгновенной и звенящей. Марина вжалась в плечи, уставившись в пол. Савельев убрал ручку в карман пальто, и его лицо начало темнеть от приливающей к щекам крови.

— Вера, ты переходишь границы, — тихо, с предупреждающей угрозой произнёс он.

— Я защищаю проект от повторения пятницы, — я убрала руку с листа, но подвинула к Александре свои распечатки. — Александра Николаевна, в этом документе студия оставляет за собой право вносить любые изменения в спецификации материалов и проектные решения без согласования с ведущим дизайнером. Если мы подпишем это, завтра Артём Лавров или любой другой сотрудник по распоряжению Игоря Владиславовича снова привезёт сюда гипсокартон, фальшпанели и дешёвый керамогранит, мотивируя это оптимизацией сметы. А отвечать за разрушенный интерьер перед вами и прессой буду я. Потому что моя фамилия вписана в графу «ответственный исполнитель на объекте».

Александра перевела взгляд с меня на Савельева:

— Это правда, Игорь?

— Это стандартная юридическая практика защиты компании от непредвиденных рисков! — с нажимом ответил Савельев, обращаясь исключительно к Бельской. — Вера — талантливый специалист, но она сотрудник студии. У неё нет собственной проектной организации, договорной инфраструктуры и финансового обеспечения. Если по её вине произойдёт срыв сроков или технологический брак, кто будет компенсировать убытки? Вера со своей зарплаты? Нет, Александра Николаевна. Платить будет «Элитное пространство». А значит, последнее слово по всем материалам и узлам должно оставаться за генеральным директором компании. Это азбука проектного управления.

— Азбука вашего проектного управления чуть не сложила парадный свод два дня назад, — раздался сбоку спокойный, низкий голос.

Максим Берестов стоял, прислонившись бедром к краю верстака, и неторопливо листал проект договора. Он не повышал тона, не делал резких жестов, но его присутствие мгновенно перевесило всю холёную уверенность Савельева.

— Максим, при всем уважении к вашей реставрационной квалификации, внутренний регламент студии... — начал Игорь, поворачиваясь к нему всем корпусом.

— Меня не интересует ваш внутренний регламент, — перебил его Берестов, не поднимая глаз от текста. — Меня интересует строительная безопасность и режим охраны памятника. В

этом проекте соглашения нет разграничения зон ответственности. Здесь написано: «Исполнитель осуществляет комплексное руководство проектными работами». Что это значит на практике?

Он поднял глаза на Савельева:

— Это значит, что завтра ваш прораб привезёт на объект перфораторы и начнёт штробить стену с открывшейся росписью, потому что по вашей внутренней ведомости там должна пройти трасса кондиционирования. А когда я остановлю работы, вы достанете этот пункт и заявите, что авторский надзор студии согласовал прокладку сетей. Так не пойдёт.

Берестов захлопнул папку и небрежно бросил её обратно на стол. Звук получился хлестким, как пощёчина.

— Мне на объекте нужен конкретный человек, отвечающий за визуальный и планировочный контур, — продолжил Максим, глядя прямо на Александру. — И этот человек должен иметь право сказать «нет» собственной студии, если студия ради экономии решит нарушить согласованный метод. Либо мы прописываем матрицу ответственности прямо сейчас, либо я подаю в орган охраны памятников уведомление о приостановке предпроектных изысканий в связи с отсутствием квалифицированного проектного контроля.

Лицо Бельской стало жестким. Она посмотрела на Савельева долгим, оценивающим взглядом женщины, которая привыкла считать не чужие амбиции, а собственные риски.

— У меня шестнадцать недель, Игорь, — произнесла Александра. Голос её звучал ровно, без крика, но в нём была та окончательная беспощадность, которой так боялся Савельев. — И у меня нет времени разбираться, кто в вашей конторе кому завидует и кто кого боится обидеть. Мне нужен результат. Живой, безопасный парадный этаж к публичному предполоказу. Вера нашла решение по стене. Вера предложила концепцию консервации зимнего сада. Если вы хотите остаться генеральным подрядчиком по проектированию — вы примете её условия.

— Какие условия? — глухо спросил Савельев, понимая, что почва уходит у него из-под ног.

Я достала из сумки свой рабочий блокнот и открыла разворот с наброском матрицы, составленной ночью:

— Три принципиальных изменения в приложении, — сказала я, не понижая голоса. — Первое. Моя должность фиксируется как «ведущий проектный дизайнер первой очереди». Любые изменения в архитектурно-художественную концепцию, колористические паспорта и отделочные ведомости вносятся только при наличии моей личной визы. Без моей подписи ни один интерьерный лист не идёт подрядчику в производство.

Савельев скрипнул зубами, но промолчал.

— Второе, — я перевела взгляд на Берестова. — Чёткое разделение зон. Я не лезу в конструктивные расчёты, прочность перекрытий и методику реставрации левкаса — это исключительная зона Максима Берестова и Ирины Зуевой. Но они не навязывают мне планировочные и колористические решения, если те не несут угрозы конструктиву.

Берестов коротко кивнул:

— Справедливо. При условии, что трассировка сетей согласуется со мной в обязательном порядке.

— Согласна, — подтвердила я. — И третье. Правило немедленной паузы. Если любой из нас — я, Максим или инженер технадзора — обнаруживает на объекте несоответствие утверждённым чертежам, подмену материалов или угрозу сохранности элементов, мы имеем право немедленно остановить конкретную операцию на площадке. В устной форме с немедленной фиксацией в журнале. Формальное предписание о полной технической остановке участка подписывает Максим, но задержать сомнительные работы до выяснения может каждый ответственный участник.

— Это парализует стройку! — не выдержал Савельев. — Любой рабочий чихнёт не там, и вы всё остановите!

— Если ваши рабочие будут работать по утверждённому комплекту, никто ничего не остановит, — отрезала я. — А если они попытаются втайне зашить гниль гипсокартоном — работы встанут в ту же секунду. Выбирайте, Игорь Владиславович. Либо эти пункты входят в допсоглашение сегодня, либо Александра Николаевна ищет другую студию.

Савельев стоял неподвижно. Я видела, как ходят желваки на его гладко выбритых скулах. Он ненавидел меня в эту минуту так сильно, как не ненавидел ни одного конкурента на рынке. Я сломала его выстроенную годами систему, в которой дизайнеры были бессловесным планктоном, производящим глянцевого продукт для его обогащения. Но на кону стоял крупнейший контракт сезона, статус генерального проектирования исторического особняка и миллионные бюджеты, потеря которых на глазах у попечительского совета стала бы для «Элитного пространства» репутационной катастрофой.

Он повернулся к Марине:

— Внеси правки. Прямо сейчас. Ноутбук на стол.

Марина торопливо опустилась на шаткий стул, открыла крышку ноутбука и застучала пальцами по клавишам.

Следующие сорок минут прошли в звяканье портативного принтера, запахе горячего картриджа и коротких, ядовитых препирательствах по поводу формулировок. Савельев бился за каждое слово, пытаясь размыть мою ответственность, вставить обтекаемые фразы вроде «по предварительному согласованию» или «при производственной необходимости». Но мы с Берестовым вычищали эти лазейки одну за другой, методично и безжалостно загоняя студию в рамки жесткого, прозрачного регламента.

Когда три свежих экземпляра легли на полиэтилен, Савельев размашисто расписался на последних страницах, прижал синюю гербовую печать и передал ручку Александре.

Бельская подписала не колеблясь. Затем придвинула лист мне:

— Ваша подпись, Вера. В графе проектного руководителя.

Я взяла ручку. Пальцы были холодными, но не дрожали. Чернила легли на белое поле ровной, уверенной дугой: «Климова В. А.».

Обычная закорючка из синей пасты. Она не делала меня богаче — моя зарплата оставалась прежней до копейки, а отцовский счет на сорок пять тысяч никуда не делся. Она не давала мне доли в компании и не защищала от увольнения, если я провалю дедлайн. Но эта закорючка впервые за пять лет превращала меня из безымянного винтика чужой машины в человека, чьё имя официально стояло под судьбой этого огромного дома.

Савельев забрал свой экземпляр, аккуратно спрятал его в кожаную папку и поднялся. Вся его напускная теплота испарилась без следа. Лицо было серым, непроницаемым и холодным, как осенний лёд.

— Поздравляю с повышением, Вера Александровна, — произнёс он с ледяной, убийственной вежливостью. — Вы получили всё, о чём просили. Полномочия, ответственность, личный контроль. Теперь помните: каждый день просрочки графика — это штрафные санкции, которые студия в порядке регресса перевыставит виновному лицу. Любая технологическая ошибка — это служебное расследование. Спрос с вас будет не как с рисовальщицы эскизов, а по полной ставке ведущего дизайнера. Не разочаруйте меня. Второго шанса спасти карьеру у вас не будет.

Он даже не взглянул на Берестова, коротко кивнул Бельской:

— Александра Николаевна, держите меня в курсе. Марина, на выход.

Они ушли. Звук шагов Савельева быстро стих в глубине двора, хлопнула дверца представительского седана, взревел мотор, и в вестибюле снова воцарилась тишина, нарушаемая только монотонным гулом дизельной пушки.

Александра с облегчением выдохнула, словно сбросила тяжелый груз с плеч:

— Слава богу. Одной проблемой меньше. Я возвращаюсь наверх, Софья Андреевна нашла в бабушкиных сундуках расходные книги 1910 года, нужно сверить описи. Вера, Максим, жду от вас утверждённый план первоочередных вскрытий к двум часам.

Она развернулась и зашагала к лестнице, стуча каблуками по каменным ступеням.

Мы остались вдвоём.

Я стояла у верстака, глядя на свой экземпляр соглашения, и чувствовала, как внутри накатывает глухая, свинцовая усталость. Руки наконец начали мелко подрагивать — запоздалая реакция на адреналин. Я знала, что Савельев не бросал слов на ветер. Он начнёт копать под меня с сегодняшней секунды. Будет ждать любой нестыковки в чертежах, любого расхождения в артикулах краски, чтобы публично уничтожить меня и вернуть особняк Артёму.

Берестов подошёл к столу, собрал свои обмерные листы и посмотрел на меня. В его серых глазах не было снисхождения, но пропала и та ледяная отчуждённость, с которой он встретил меня в пятницу.

— Переживаете из-за угроз Савельева? — спросил он негромко.

— Я не переживаю, — ответила я, сворачивая свой экземпляр в трубку. — Я считаю недели. Их осталось меньше шестнадцати.

— Правильный подход, — Максим закинул рулон чертежей под мышку и кивнул в сторону узкого коридора, ведущего в служебное крыло. — Пойдёмте. Покажу вам ваше новое рабочее место.

— Какое ещё место?

— Штаб проекта, — бросил он через плечо, уже шагая по полутёмному переходу. — Вы же не собираетесь чертить на коленке посреди сквозняков?

Я пошла за ним. Мы миновали бывшую буфетную, свернули за угол и остановились перед массивной дубовой дверью с потускневшей латунной ручкой в форме львиной лапы.

Берестов достал из кармана ключ, повернул его в замке два раза и распахнул створку.

Это была небольшая, сухая угловая комната с двумя высокими окнами, выходившими в тихий внутренний сад. Здесь сохранился старый паркет «ёлочкой», стены были оклеены выцветшими полосатыми обоями, но главное — в углу стояла настоящая изразцовая печь-голландка с белыми рельефными плитками, а рядом тихо потрескивал включённый в розетку современный масляный радиатор. Воздух здесь был ощутимо теплее, пахло сухим деревом и старой бумагой.

Посреди комнаты стоял массивный дубовый стол на точёных ножках — видимо, бывший канторский стол управляющего. На нём уже лежала настольная лампа с зелёным абажуром, электрический чайник и две керамические кружки.

— Здесь не течёт с потолка, — сказал Максим, пропуская меня вперёд. — Печь рабочая, тяга отличная, вчера проверили. Будем топить дровами, пока не починят временную ветку отопления. Поставим второй стол для ваших раскладок и образцов.

Я вошла, не веря своим глазам. После промозглого, гулко-го вестибюля эта комната казалась островком безопасности.

— Почему здесь? — спросила я, поворачиваясь к нему.

— Потому что в офисе Савельева вам спокойно работать не дадут, — просто ответил Берестов. Он подошёл к столу, снял с полки тяжелую, толстую книгу в твердом коленкоровом переплете с тисненым гербом и с глухим стуком опустил её на полированное дерево.

Это был журнал регистрации проектных решений. Чистые, разлинованные страницы из плотной желтоватой бумаги, прошитые суровой нитью через корешок.

Максим положил рядом с книгой чёрную гелевую ручку:

— Ваше право подписи теперь зафиксировано на бумаге, Вера. Поздравляю. Но вот главное правило этой стройки: с этой минуты ни одного устного распоряжения. Ни для прорабов,

ни для Александры, ни для меня. Всё, что не записано в этот журнал чернилами и не подписано нами обоими — не существует в природе. Любая ревизия, любое вскрытие, любое сомнение в материале фиксируется здесь с датой и точным временем. Если возникнет конфликт — мы открываем эту страницу.

Он посмотрел на меня в упор:

— Савельев будет искать повод вас свалить. Единственная броня, которая у вас есть — это безупречная проектная дисциплина. Вы готовы играть по таким правилам?

Я подошла к столу. Провела кончиками пальцев по шероховатой обложке журнала.

В окне за спиной Максима медленно рассеивался туман, обнажая ржавые чугунные ветви зимнего сада. Впереди было шестнадцать недель ада, бессонных ночей, ледяных сквозняков и борьбы за каждый миллиметр старого дома. Но прямо сейчас я впервые чувствовала под ногами твёрдую землю.

— Я готова, Максим, — ответила я и открыла первую страницу. — Записывайте: понедельник, четвёртое ноября. Вскрытие восточной стены музыкальной гостиной подтвердило наличие левкаса с полихромной росписью. Требуется консервация красочного слоя и изменение проектного контура.

Берестов едва заметно улыбнулся — по-настоящему, без холодной профессиональной брони:

— Записывайте сами, Вера Александровна. Ручка теперь у вас.

Глава 4

Строительный шум остался внизу. На втором этаже, в бывшей библиотеке с полукруглым эркерным окном, царила музейная, настороженная тишина. Высокие дубовые шкафы с пустыми полками уходили под самый потолок, пахло сухой книжной пылью, воском и мышинным гнездом, давно покинутым обитателями.

За первую неделю особняк успел обзавестись устойчивым распорядком, мало похожим на романтическую сказку о возрождении дворянского гнезда. Ко вторнику второй недели он уже работал почти по часам.

В восемь пятнадцать на площадку заезжал фургон с сухими строительными смесями. В восемь сорок в парадном вестибюле с натужным рёвом оживала дизельная пушка, выбрасывая в сырой воздух клуб сизого дыма, от которого первые двадцать минут першило в горле. К девяти в служебном флигеле, где мы с Максимом обустроили временный штаб, закипал электрический чайник, и комната наполнялась запахом дешёвого растворимого кофе, горелой дубовой коры из печной топки и влажной бумаги.

Савельев не звонил уже неделю. После подписания допсоглашения студия словно вычеркнула нас из списка живых. Марина Орлова дважды тайком присылала мне сметные выгрузки через личный мессенджер, каждый раз приписывая: «Шеф требует отчёт по каждому метру, Артём ходит злой как чёрт, будь готова к проверке счетов». Я удаляла сообщения сразу после прочтения. Проверять пока было нечего: мы не потратили ни рубля из чистовой отделочной сметы, методично вгрызаясь в конструктивную подоснову.

Посреди комнаты стоял круглый ломберный столик на гнутых ножках. На нём я установила переносную светодиодную лампу на струбине — обычный рабочий светильник с нейтральной цветовой температурой в четыре тысячи кельвинов, дающий чистый, честный дневной свет без паразитных жёлтых или синих оттенков. Рядом лежали пара белых хлопчатобумажных перчаток, металлическая линейка, увеличительное стекло в латунной оправе и чистая планшетка для записей.

Александра Бельская стояла у холодного радиатора, не снимая короткого кашемирового полупальто цвета графита. В правой руке она сжимала смартфон, экран которого то и дело вспыхивал уведомлениями. Она выглядела взвинченной, словно человек, прошедший бессонную ночь перед биржевым открытием.

— Мой отец вчера ужинал с вице-мэром, — произнесла она вместо приветствия, даже не повернув головы, когда я вошла в комнату. Голос звучал сухо, натянуто. — Ему задали прямой вопрос: что за руину Бельские маринуют на углу переулков и правда ли, что особняк отдадут под турецкий сетевой отель. Отец переадресовал вопрос мне. Добавив, что если через четырнадцать недель здесь не будет презентабельного объекта с внятной концепцией, он лично подпишет предварительный договор купли-продажи с инвесторами. Мы теряем время, Вера. Пока мы ковыряем штукатурку, нас уже хоронят в кулуарах.

— Мы не ковыряем штукатурку, Александра Николаевна, — спокойно ответила я, снимая куртку и вешая её на спинку свободного венского стула. — Мы пытаемся понять, на чём этот дом держится. В прямом и переносном смысле.

Дверь скрипнула, и в библиотеку вошёл Максим Берестов.

На нём был чистый тёмно-серый свитер под горло, поверх которого виднелся край расстёгнутого рабочего жилета. Волосы были влажными от утреннего тумана, в руках он нёс ту самую жестяную коробку из-под чая «Высоцкий и Ко», найденную в стенной нише, и тонкую папку с кальками фасадов. Следом за ним, бесшумно ступая в мягких войлочных тапочках, вошла Софья Андреевна. Управляющая несла массивный том в тёмно-зелёном тканевом переплете, бережно прижимая его к груди обеими руками, словно фарфоровую вазу эпохи Мин.

Берестов молча кивнул мне, подошёл к столику и поставил жестяную банку на чистый лист крафтовой бумаги.

— Документы из архива БТИ подтвердили: в 1914 году здание числилось на капитальном ремонте, — сказал Максим, глядя на Александру. — Но проект переустройства парадных залов в делах отсутствует. Есть только чертежи замены стропильной системы и усиления фундаментов. Это значит одно из двух: либо интерьеры переделывали без согласования с городской управой, либо проектные листы осели в частном архиве.

— Или в этом альбоме, — Александра сделала шаг к столику, её глаза лихорадочно блеснули. — Софья Андреевна, кладите сюда. Давайте откроем его наконец.

Управляющая осторожно опустила фолиант под конус белого света от лампы. Выцветшая зеленая ткань переплета казалась шершавой, как сухой мох. Тиснённые буквы «Е. Б.» в золотом ободке слабо мерцали.

Александра потянулась к шёлковой тесьме, стягивавшей переплёт, но я сделала негромкое движение ладонью:

— Перчатки, Александра Николаевна. Пожалуйста.

Бельская замерла, недовольно приподняв бровь:

— Вера, это семейные бумаги моих предков.

— Это органика вековой давности, — так же ровно парировала я, протягивая ей сложенную пару тонкого трикотажа. — На пальцах всегда есть естественный жировой слой и кислоты. Ткань пересохла от полувекового соседства с дымоходом, бумага хрупкая. Если мы хотим прочесть этот альбом, а не превратить его страницы в хлопья, лучше соблюдать музейный регламент.

Максим посмотрел на меня из-под насупленных бровей. На долю секунды в глубине его серых глаз промелькнуло одобрение — сухое, профессиональное, без лишней теплоты, но абсолютно отчётливое.

— Вера права, — подтвердил он. — Бумагу нельзя трогать голыми руками.

Александра с лёгким вздохом натянула белые перчатки. Ткань плотно обтянула её тонкие пальцы с безупречным маникюром. Она взялась за узел тесьмы.

Шёлк, потерявший прочность от времени, развязался с сухим, еле слышным шелестом. Александра медленно, с благоговейной осторожностью откинула тяжелую верхнюю крышку переплёта.

Под ней лежал плотный лист верже цвета топлёного молока. В правом нижнем углу тушью, каллиграфическим, чуть летящим почерком с округлыми завитками было выведено: «Цветовая гармония и ритмы пространств. 1909–1911». Ниже стояла та же монограмма: крупная «Е» и переплетённая с ней «Б». Никаких полных имён. Никаких титулов вроде «архитектор» или «автор проекта».

Александра перевернула форзац.

Под лучом светодиодной лампы раскрылся первый разворот, и у меня перехватило дыхание.

Это были не чертежи в строгом понимании этого слова. Здесь не было сухих размерных цепочек, отметок высот или штампов инженерных гильдий. Это был альбом колористических концепций и орнаментальных развёрток, выполненный с поразительным, почти пугающим чувством пространственной пластики.

На плотной английской акварельной бумаге с тиснённым клеймом мануфактуры «Ватман» оживали стены особняка.

На первом листе тушью и прозрачной, многослойной лессировкой был решён парадный вестибюль. Но решён совсем иначе, чем в казённых планах городской управы: автор не пыталась загромождать пространство псевдоклассическими колоннами или помпезной лепниной. Пространство выстраивалось через ритм вертикалей, через игру матовых терракотовых плос-

костей и глубокого, сложного серо-зелёного оттенка, напоминающего цвет речной ивы в сумерках.

А на следующем развороте открылась музыкальная гостиная.

Я не удержалась и подалась вперёд, опираясь ладонями о край стола.

На развороте лежал акварельный эскиз фриза. Те самые переплетающиеся стебли ирисов. Тот же дерзкий, вибрирующий индиго, переходящий в прозрачную бирюзу, то же матовое, приглушённое золото на прожилках лепестков, которое мы в прошлый четверг очистили из-под советского прессованного картона.

Рядом со стеблями мелким, быстрым карандашным почерком на полях были сделаны пометки на французском и русском: «Кобальт темный съ добавлением пари́жской лазури — для глубины тени. Восковая эмульсия по сухому левкасу. Не допускать лака: блеск убьёт сумеречный воздух комнаты. Окно на сѣверъ требуетъ мягкаго поглощения».

— Это она... — прошептала Александра. Она сняла перчатку с правой руки и прижала ладонь к губам, забыв про собственное правило. — Боже мой. Это комната внизу. Один в один.

— Потрясающе, — тихо сказала я, разглядывая штрих через лупу. — Это не любительские почеркушки скучающей барышни. Посмотрите на натяжение линий. Она мыслила не плоским рисунком на стене, она держала в голове световой конус от северного окна. Она знала, как кобальт поведёт себя при рассеянном свете пасмурного дня. Это почерк профессионала высочайшего класса. Выучка школы наставников уровня Кекушева или Валькота.

— Бабушка рассказывала, — вдруг подала голос Софья Андреевна, стоя у дверного проёма. Её старческие руки теребили фартук. — Елизавета Николаевна ведь в Париже училась. До замужества. Рисовальные классы, потом какие-то курсы прикладного искусства... Дед её, старый князь, гневался страшно. Говорил: не женское дело стены красить да с штукатурками спорить. А она, когда особняк перестраивали, целыми днями в пыли пропадала. Сама колера растирала, рабочим спуску не давала. Только в семье об этом помалкивали. В обществе было неприлично признаваться, что интерьеры дома проектировала сама хозяйка, а не приглашённый модный немец.

Александра резко выпрямилась. В её позе, в повороте головы мгновенно проступила та самая светская хищность, которую я видела на первой встрече. Лицо её озарилось триумфом.

— Это же готовая сенсация, — быстро, почти задыхаясь от возбуждения, заговорила Александра. Она схватила телефон. — Вы понимаете, что это значит? Это не просто реставрация очередного купеческого особняка. Это забытая женщина-архитектор! Первая леди русского модерна, чьё имя сто лет скрывали из-за патриархальных предрассудков!

Она начала нервно листать контакты:

— Я прямо сейчас звоню главному редактору «Архитектурного вестника» и в глянец. Мы сделаем эксклюзивный материал к концу недели. Запустим серию постов. «Тайна особняка Бельских: как внучка возвращает из небытия шедевр своей великой бабушки». Отец увидит публикации в прессе, попечители откроют финансирование первой очереди без всяких дурацких условий! Вера, мы снимем вас с этим альбомом прямо на фоне открытой росписи!

— Положите телефон, Александра, — раздался холодный, резкий голос.

Максим Берестов стоял у стола, скрестив руки на груди. Его лицо было тёмным и абсолютно непроницаемым.

Бельская замерла с трубкой у уха:

— Что?

— Я сказал: положите телефон, — повторил Максим. Он не повысил голоса, но каждое слово легло с такой несокрушимой, гранитной тяжестью, что Александра опустила руку. — Никакой прессы. Никаких сенсационных статей. Ни одной фотографии этого альбома в социальных сетях.

— Берестов, вы в своём уме? — голос Александры сорвался на визг. — Вы наняты как технический специалист! Вы не имеете права диктовать мне информационную политику моего собственного дома! Этот особняк принадлежит мне!

— Этот особняк — объект культурного наследия, — отчеканил Максим, делая шаг к столу и накрывая раскрытый альбом чистым листом защитного картона, словно закрывая его от дурного глаза. — А этот альбом — частный архивный артефакт, происхождение и юридический статус которого на данный момент равны нулю.

— Что значит «равны нулю»? — задохнулась от возмущения Александра. — Здесь её инициалы! Роспись на стене совпадает с рисунком точь-в-точь! Вы слепой?

— Я не слепой. Я реставратор, — спокойно ответил Берестов. — А ещё я знаю, как устроена профессиональная среда. Стоит вам выкатить этот альбом в прессу с криками о «первой женщине-архитекторе русского модерна», как через сорок восемь часов экспертный совет органа охраны памятников потребует официальную экспертизу. И что мы им покажем?

Он постучал пальцем по картону:

— Акварельный альбом без выходных данных? Инициалы «Е. Б.»? Записи на полях без нотариально заверенной даты? Вы знаете, как это назовут историки архитектуры? В лучшем случае — любительской копией с натуры. В худшем — фальсификацией ради привлечения инвесторских денег. С вас снимут охранный статус первой очереди, стройку заморозят до окончания историко-архивной экспертизы, которая займет от шести месяцев до года, а вашего отца поднимут на смех в деловых кругах. Вы этого хотите?

Александра побледнела. Она перевела растерянный, злой взгляд на меня:

— Вера! Ну хоть вы ему скажите! Вы же сами сказали: это рука профессионала! Вы же дизайнер, вы видите совпадение палитры!

В комнате повисла тяжелая, гулкая пауза. Было слышно, как за окном с шелестом опадает мокрый тополиный лист, ударяясь о жестяной отлив.

Я посмотрела на Максима. Он стоял неподвижно, не отводя взгляда от Александры, но я чувствовала: он ждёт моего слова. Не как союзника, обязанного поддакивать, а как специалиста, чья подпись стоит в договоре.

Искушение было огромным. Выпустить новость сейчас — значило мгновенно перетянуть всё внимание профессионального сообщества на проект. Савельев захлебнулся бы собственной желчью в офисе, не решаясь отобрать у меня руководство объектом под прицелом сотен публикаций. Это дало бы нам передышку. Это дало бы нам ореол первооткрывателей.

Но это была бы ложь. Или, что ещё опаснее, полуправда, построенная на песке.

— Максим прав, Александра Николаевна, — произнесла я, чувствуя, как каждое слово отдаётся в висках глухим ударом. — Как бы мне ни хотелось прямо сейчас объявить Елизавету Бельскую автором интерьеров — мы не имеем на это права.

Александра сжала кулаки так, что побелели костяшки:

— И вы туда же...

— Послушайте меня, — я подошла к столу вплотную, встала рядом с Берестовым и аккуратно сдвинула картон, открывая страницу с ирисами. — Посмотрите на правый верхний угол листа. Видите мелкий штамп фиолетовыми чернилами? Овальный оттиск, почти стёртый.

Максим мгновенно наклонился над столом, включив карманную лупу с подсветкой:

— «Художественно-декоративная мастерская инженера...» — медленно прочёл он сквозь стекло. — Фамилия затерта. Дальше: «...поставщика Двора Его Императорского Величества. Заказ номер сто двенадцать, октябрь 1910 года».

— Вот наш единственный реальный след, — сказала я, поднимая глаза на Бельскую. — В альбоме нет проекта здания. Здесь нет планировок этажей, нет расчёта несущих конструкций. Елизавета не строила этот дом как архитектор — дом возводил гражданский инженер по типовым нормам того времени. Но она создавала декоративную программу. Она вела автор-

ский надзор за отделкой, разрабатывала колористику и заказывала материалы. Чтобы доказать это профессиональному сообществу и совету охраны памятников, нам нужна документальная цепочка. Счета этой мастерской. Акт приёмки работ с её подписью. Или хотя бы платёжное поручение банка.

— И где мы это возьмем? — горько усмехнулась Александра. — Перероем все свалки Москвы? У нас четырнадцать недель, Вера! Четырнадцать!

— Не свалки, — Берестов выпрямился. Его лицо посветлело, словно шахматист увидел неочевидный, но сильный ход. — Жестяная коробка. Софья Андреевна, что в ней?

Управляющая торопливо подошла к столику, сняла крышку с жестянки «Высоцкий и Ко». Внутри лежала плотная стопка старых квитанций, сложенных вдвое, и несколько пожелтевших конвертов со штампами царской почты.

Максим аккуратно, пинцетом из своего инструментального набора, извлёк верхний конверт.

— Счета за уголь... квитанция на поставку овса для конюшни... расписка полотёра... — бормотал он, методично перебирая бумаги. — А вот это уже интереснее.

Он положил на стол плотный серый бланк с типографской шапкой: «Московское отделение торгово-промышленного банка. Переводъ суммъ по текущему счету Е. Н. Бельской».

В графе назначения платежа выцветшими железо-галловыми чернилами значилось: «Въ уплату по счету № 112 художественно-мозаичной и керамической мастерской П. К. Ваулина и О. О. Гельдвейна за майоликовые панно и пигменты для дома на Малой Молчановке».

Я почувствовала, как по затылку пробежал настоящий, морозный озноб.

— Ваулин и Гельдвейн... — выдохнула я. — Абрамцевский круг. Мастера, которые делали майолику для гостиницы «Метрополь» и особняков Шехтеля.

— Они самые, — Максим поднял на меня взгляд, и в нём горел сухой, азартный реставрационный огонь. — Мастерская находилась под Петербургом, в имении Кикерино. Весь их фонд в советское время был передан в Центральный государственный исторический архив. Если заказ номер сто двенадцать проходил через их конторские книги — там обязана сохраниться спецификация. С фамилией заказчика, перечнем колеров и эскизными кальками.

Александра переводила дыхание, глядя то на меня, то на Берестова:

— Вы можете это найти?

— Я могу составить официальный межведомственный запрос, — ответил Максим. — Но частному лицу и даже моей реставрационной мастерской архив будет отвечать полгода. Запрос должен уйти от прямого законного владельца здания. На бланке охранного обязательства, с обоснованием срочности в связи с проведением противоаварийных работ первой очереди.

Он повернулся к Бельской:

— Вы дадите доверенность и подпишете запрос, Александра?

Она помедлила всего секунду. Вся её спесь, всё желание немедленного дешёвого пиара разбились о холодную, железную логику фактов. Она поняла разницу между крикливой газетной уткой, которая лопнет через неделю, и несокрушимой броней подлинного исторического открытия.

— Да, — твёрдо сказала Бельская. — Подпишу всё, что нужно. Прямо сейчас.

— Тогда за дело, — Максим повернулся ко мне. — Вера, садитесь за опись. Фиксируем каждый лист альбома, делаем фотофиксацию в масштабе с калибровочной шкалой. Ни одна страница не должна покинуть эту комнату без акта.

Следующие три часа мы провели в монотонной, сосредоточенной работе.

Я накладывала миллиметровую калибровочную линейку, выставляла свет, Максим делал макроснимки на свой профессиональный фотоаппарат с поляризационным фильтром, убирающим блики от бумажного глянца. Софья Андреевна монотонным, ровным голосом диктовала

номера страниц и краткие описания, а Александра собственноручно заполняла бланк описи, ставя свою подпись под каждым десятком позиций.

Когда последний, сорок восьмой лист был сфотографирован и занесён в реестр, на улице уже начали сгущаться ранние ноябрьские сумерки. В библиотеке похолодало. Мы выключили рабочий светильник, упаковали альбом в бескислотный картонный футляр, который Берестов предусмотрительно принёс из машины, и опечатали его бумажной лентой с личной печатью реставратора. Футляр лёг в сейф управляющего под двойной ключ Софьи Андреевны.

Александра натянула перчатки, спрятала подписанный запрос в сумку:

— Завтра в девять утра мой курьер отвезёт пакет документов в канцелярию архива с пометкой «Срочно. Противоаварийные изыскания». Сколько они будут рассматривать?

Максим сложил штатив, затянул чехол:

— Если подключим контакты через комитет по наследию — первый ответ по реестру фондов получим недели через три. Полную выписку с копиями чертежей — через месяц. Раньше не ждите. Бюрократия архивов не знает слова «дедлайн».

— Четырнадцать недель до предпоказа, — тихо проговорила Александра, глядя в тёмное окно, за которым мерцали огни вечерней Москвы. — Из них четыре мы проведём в неведении.

— Не в неведении, — я подошла к ней, держа в руках блокнот с выписанными колористическими номерами Ваулина. — Мы знаем направление. Мы знаем, что палитра музыкальной гостиной подлинная. Мы можем закладывать обратимые решения первой очереди, опираясь на эти цвета. Мы не будем врать публике. Мы скажем правду: перед вами гипотеза, подтверждённая натурными вскрытиями, архивный поиск продолжается. Это вызовет в десять раз больше уважения, чем дешёвый победный рапорт.

Александра долго смотрела на меня. Потом убрала телефон в сумку и застегнула её одним резким движением.

— Хорошо, Вера. Я поверю вам обоим. Но помните: если через четыре недели архив ответит, что заказ номер сто двенадцать — это поставка плитки для отхожих мест, а не проект Елизаветы... отец продаст этот дом на следующий день. И мы все вылетим отсюда на улицу.

Она развернулась и быстрым, нервным шагом вышла из комнаты. Скрипнули ступени лестницы, хлопнула входная дверь.

Мы остались вдвоём.

В пустой библиотеке пахло старой бумагой и стынувшим металлическим корпусом лампы.

Максим подошёл к окну, опёрся ладонями о подоконник и тяжело вздохнул, опустив плечи. В полумраке комнаты его профиль казался высеченным из серого гранита: резкая линия подбородка, упрямый излом бровей, тёмные тени под глазами от хронического недосыпа.

— Вы могли её поддержать, — негромко произнёс он, не оборачиваясь ко мне. — Сказать, что пресса поможет. Савельев бы испугался вас трогать. Вы бы обезопасили себя на пару месяцев.

Я подошла ближе, остановившись в двух шагах от него, и тоже посмотрела в окно. Внизу, в тёмном дворе, рабочие грузили в кузов самосвала мешки со строительным мусором.

— Я пять лет работала в студии, где пиар заменял проектирование, Максим, — ответила я, и собственный голос показался мне непривычно тихим в этом огромном пустом зале. — Где красивый пост в блоге стоил дороже, чем несущая балка. Если бы я хотела дешёвой безопасности ценой вранья — я бы до сих пор сидела за спиной Артёма и перелистывала его глянцевого рендеры.

Берестов повернул голову.

— Ваулинские мастерские — это сложный след, Вера, — сказал он. — Там могут быть сотни томов переписки. Мы можем ничего не найти.

— Мы найдем, — твёрдо сказала я. — Потому что эта женщина оставила свои ирисы на стене не для того, чтобы их зашили советским картоном. Она ждала сто лет. Четыре недели мы как-нибудь выдержим.

Максим молчал несколько секунд. Затем протянул руку, взял со стола тубус со своими чертежами и коротко, едва заметно улыбнулся:

— Пойдёмте в штаб, Вера Александровна. Чайник остыл, но печь ещё тёплая. Нам нужно перечертить план освещения вестибюля до того, как Зуева завтра утром придёт проверять наши шурфы.

Глава 5

Капли с монотонным стуком били в жестяные отливы высоких окон парадного этажа. К пятнице второй недели косой ноябрьский дождь успел пропитать двор и фасад насквозь. Вода стекала по трещинам в штукатурке, оставляя на кирпичной кладке тёмные, ветвящиеся жилы сырости. В вестибюле стоял плотный запах мокрого шерстяного сукна, известковой пыли и перегретого пластика от портативного проектора, который мы с Максимом установили на шаткий геодезический штатив прямо посреди зала.

На белой простыне, натянутой между двумя строительными стойками, дрожал световой прямоугольник. На нём светился первый чертёж нового проектного пакета: продольный разрез парадной анфилады с нанесением сохранившейся полихромной росписи, трассировкой скрытой вентиляции и тем самым порталным разгрузочным контуром по оси «В».

Я стояла у верстака, растирая замерзшие пальцы. На мне были чистые рабочие джинсы, тёмный кашемировый джемпер и замшевые ботильоны на плоской подошве — компромисс между стройкой и официальным совещанием. В восемь утра я лично проверила каждый лист в трёх распечатанных альбомах. В угловых штампах в графе «Разработал» стояла моя фамилия, в графе «Проверил» расписался Берестов. Но на титульном листе всё ещё красовался крупный рельефный логотип студии «Элитное пространство». Юридически генеральным проектировщиком оставалась компания Савельева, и обойти это мы не могли.

Ровно в десять скрипнула входная дверь, и в вестибюль вошла целая делегация.

Впереди шла Александра Бельская в строгом чёрном пальто, рядом с ней — невысокий, сухощавый мужчина лет шестидесяти пяти в старомодном твидовом пиджаке с кожаными налокотниками и в круглых очках в тонкой титановой оправе. Вадим Андреевич Красовский. Заслуженный реставратор, член экспертно-консультативного совета при комитете по культурному наследию. Человек, чьё предварительное заключение могло либо открыть нам дорогу к согласованию первой очереди, либо закрыть стройку до весны.

Следом за ними, стряхивая капли с зонтов, шагали Игорь Савельев и Артём Лавров.

При виде Артёма у меня внутри всё натянулось, как струна. Он был в безупречно отглаженном тёмно-синем костюме-тройке, белой рубашке без галстука и длинном шерстяном пальто. Никаких следов недавнего разгрома: аккуратная укладка, дежурная открытая улыбка и дорогая кожаная папка под мышкой. Он держался так уверенно, словно это не его две недели назад выставили из особняка под угрозой расторжения контракта.

Замыкала процессию Марина Орлова. Она несла раскрытый служебный ноутбук и толстую папку для официальных протоколов экспертных совещаний. Поймав мой взгляд, Марина едва заметно покачала головой, беззвучно шепнув одними губами: «Держись».

— Доброе утро, господа, — голос Красовского прозвучал неожиданно мягко, с той интеллигентной неторопливостью, которая вырабатывается десятилетиями работы в академических читальных залах. Он снял калоши у порога, аккуратно поставил их на резиновый коврик и оглядел обшарпанные своды вестибюля поверх очков. — Свежо у вас тут. Но запах правильный. Пахнет известью, а не химической грунтовкой. Это обнадеживает.

— Мы стараемся соблюдать температурно-влажностный режим в пределах доступного, Вадим Андреевич, — тут же подхватил Савельев, выступая вперёд и беря пожилого эксперта под локоть. — Студия «Элитное пространство» мобилизовала лучших специалистов для этого этапа. Мы понимаем колоссальную ответственность перед историей особняка. Я лично освободил наш концептуальный отдел от всех текущих коммерческих заказов, чтобы сосредоточиться на Бельских.

Александра смерила Игоря ледяным взглядом, но промолчала. Присутствие Красовского связывало ей руки: скандал перед членом экспертного совета похоронил бы репутацию проекта в комитете в тот же день.

— Ну что ж, не будем мерзнуть, — Красовский подошёл к верстаку, оперся сухими ладонями о край доски и кивнул на проектор. — Показывайте, чем собираетесь удивлять совет. Александра Николаевна в телефонном разговоре обещала мне переворот в понимании интерьеров модерна. Надеюсь, это не просто журналистские метафоры.

Савельев сделал широкий жест рукой, поворачиваясь к Артёму:

— Артём Сергеевич, прошу. Доложите коллегам новую редакцию концепции студии.

Я сделала вдох, собираясь шагнуть к экрану, но Савельев нарочито плавно перекрыл мне траекторию своим массивным плечом в дорогой ангоре.

— Спокойно, Верочка, — едва слышно, уголком рта бросил он мне. — Не суетись. Ведущий дизайнер представляет студию. Ты обеспечиваешь техническую поддержку.

Артём шагнул под конус света от проектора.

Он взял в руку лазерную указку и заговорил. Это был виртуозный, отточенный спектакль. С каждой секундой я чувствовала, как по спине ползёт холодное бешенство.

Артём не менял моих чертежей. Он не посмел выбросить ни одной линии из тех, что мы с Максимом выверяли последние три дня до полуночи. Но он с поразительной, циничной лёгкостью перекраивал авторство прямо на лету, укутывая факты в гладкие местоимения множественного числа.

— Мы проанализировали пространственные связи и отказались от радикального вмешательства, — вдохновенно вещал Артём, обводя красной точкой указки контур стены музыкальной гостиной. — Наша студия разработала инновационный метод консервации: мы не демонтируем кирпичную кладку, а интегрируем в неё стальной каркас разгрузочного портала, используя полости старых дымоходов. Это наше принципиальное ноу-хау, позволяющее снять напряжение со свода без утяжеления фундамента.

Красовский слушал внимательно, чуть склонив голову к плечу.

— Далее, — продолжал Артём, перелистывая слайд с моего пульта, лежавшего на столике. — В музыкальной гостиной нами был раскрыт уникальный фриз полихромной росписи. Мы провели предварительный колористический анализ и сформировали обратимый экспозиционный контур. Мы отказываемся от сплошного гипсокартона. Мы предлагаем метод честных слоёв: подлинный левкас консервируется под защитным экраном, а новые инженерные коммуникации пускаются по независимому нижнему плинтусному поясу. Это решение студии «Элитное пространство», которое мы готовы защищать на совете.

Савельев довольно щурился, заложив пальцы за лацканы пальто. Александра хмурилась, нервно теребя ремешок сумки, но молчала, ожидая реакции эксперта.

Красовский поднял руку, останавливая доклад:

— Любопытно. Очень любопытно. Особенно по поводу дымоходов.

Эксперт подошёл ближе к экрану, прищурился, глядя на сложный узел опирания стальной балки на кирпичное основание:

— Кто автор конструктивно-технологического решения по узлу сопряжения на отметке плюс три двести?

Артём на секунду запнулся. В его глазах мелькнула тень паники, но он мгновенно собрался:

— Это результат совместной работы нашего проектного бюро. Мы применили европейский опыт адаптивной реновации...

— Меня не интересует европейский опыт, молодой человек, — сухо перебил Красовский, поправляя очки. — Меня интересует физика этого конкретного дома. Дымоходные каналы здесь сложены на известковом растворе с добавлением шамотной крошки, кладка пересушена

столетней эксплуатацией. Если вы заведёте туда стандартный двутавр с жесткой заделкой, температурное расширение металла при включении отопления разорвёт наружную версту стены через два сезона. Как решён вопрос температурного люфта и вентиляции скрытой полости?

Артём открыл рот. Закрыл. Лицо его начало заливать густой, неровной краской.

— Мы... э-э... разумеется, предусмотрели демпферные прокладки, — выдавил он, судорожно глядя на чертёж, словно пытаюсь найти там подсказку. — В рабочей документации заложен специализированный эластомерный компенсатор...

— Какой эластомер в памятнике рубежа веков? — поморщился Красовский, словно откусил лимон. — Он деградирует через пять лет и превратится в труху. Вы о чём вообще говорите?

В вестибюле повисла звенящая, неловкая тишина. Савельев напрягся всем телом и перестал моргать.

— Позвольте, Вадим Андреевич, — раздался спокойный, низкий голос из полумрака за штативом.

Максим Берестов сделал два шага вперёд, выходя на освещённый пяточок перед верстаком. На нём была чистая фланелевая рубашка под расстёгнутым жилетом, руки спокойно опущены в карманы.

— В узле сопряжения нет эластомеров, — произнёс Максим, глядя прямо на Красовского. — Там заложена скользящая тефлоновая опора на базальтовой подушке с воздушным зазором в сорок миллиметров. Зазор подключён к естественной вытяжке через верхний про-
дух, что исключает образование конденсата между металлом и старым кирпичом.

Красовский оживился, перевёл взгляд на Максима:

— Вот это уже разговор специалиста. Грамотно. Очень чисто решено. Значит, ваше бюро рассчитывало узел, Максим Алексеевич?

Савельев быстро шагнул вперёд, пытаюсь перехватить инициативу:

— Разумеется! В рамках нашего генерального договора с господином Берестовым студия привлекает...

— Нет, — громко, отчётливо произнёс Берестов.

Слово упало в тишину зала, как чугунное ядро.

Савельев осёкся на полуслове. Артём замер с вытянутой указкой.

Максим повернулся к Марине Орловой, сидевшей за раскладным столиком с открытым ноутбуком:

— Марина, откройте форму официального протокола предварительного экспертного рассмотрения. Раздел «Докладчики и авторы проектных решений».

Марина испуганно посмотрела на шефа, но пальцы её уже замерли над клавиатурой.

— Максим, мы ведём рабочий диалог, к чему эти формальности... — с нажимом заговорил Савельев, и в его голосе проступила неприкрытая злоба.

— К тому, что протокол подписывается членом экспертного совета, — отрезал Берестов, не повышая тона. Он повернулся к Красовскому: — Вадим Андреевич, этот узел рассчитывал не я. И разработала его не студия «Элитное пространство» абстрактным коллективным разумом. И уж тем более не господин Лавров, который не может отличить тефлоновую опору от полимерного демпфера.

Максим сделал шаг в сторону, освобождая пространство перед экраном, и указал рукой прямо на меня:

— Автором архитектурно-пространственного решения, автором принципа разгрузки через дымоходы и колористической концепции первой очереди является ведущий дизайнер Вера Климова. Я осуществлял исключительно проверочный инженерный надзор. Прошу официально зафиксировать это в протоколе заседания: докладчик и разработчик концепции — Климова.

Из протекающего стыка временной трубы в углу монотонно капала вода: раз, два, три.

Савельев побелел. На его виске вздулась синяя жилка. Он посмотрел на Максима взглядом человека, готового убивать на месте, без суда и следствия. Берестов только что разорвал в клочья главный корпоративный миф: студия больше не могла прикрываться брендом, выдавая чужую работу за свой коллективный гений. Он поставил под удар не просто Артёма — он ударил по самому Савельеву, публично обесценив его присутствие.

Но Берестов не стал договаривать за меня.

Он замолчал, скрестил руки на груди и посмотрел мне прямо в глаза. Жёсткий, требовательный взгляд оставлял выбор за мной. Он выбил для меня дверь, сорвал замок и отошёл в сторону.

Войти в эту дверь я должна была сама.

Я шагнула вперёд. Подошла к верстаку, встала рядом с Красовским и положила ладонь на свой рабочий экземпляр чертежа.

Страх — тот самый липкий, унижительный страх потерять работу, не выплатить отцовские сорок пять тысяч, остаться с испорченной трудовой книжкой на улице — никуда не делся. Он сидел внутри холодным комком. Но поверх него поднялась глухая, злая гордость мастера, у которого слишком долго воровали чертежи.

— Вадим Андреевич, — заговорила я. Голос сначала прозвучал глухо, но к третьему слову налился ровной, спокойной силой. — Узел на отметке три двести проектировался с учётом архивных данных 1914 года. Мы нашли следы перекладки топки в цоколе. Там сохранилась штраба от старого чугунного короба. Мы используем её как естественное гнездо для опорной подушки, поэтому долбить исторический кирпич не потребуется.

Я взяла пульт из рук онемевшего Артёма, нажала кнопку и вывела на экран крупный фрагмент развёртки:

— Что касается росписи в музыкальной гостиной. Мы не просто консервируем её под экраном. Мы меняем световую схему зала. Вместо верхнего рассеянного света, который разрушил бы тонкие тональные переходы кобальта и золота, мы закладываем отражённый свет с уровня выносных консолей. Ни одной штробы в плоскости левкаса. Все кабели пойдут в напольном съёмном канале из воронёной стали, который визуально отделит исторический дубовый паркет от современной зоны.

Красовский слушал, подавшись вперёд. Его глаза за толстыми стёклами очков блестели живым, неподдельным интересом.

— А как вы планируете защитить красочный слой от вибрации при монтаже стальных рам? — спросил он, глядя мне прямо в лицо.

— Безударное алмазное бурение с постоянным водяным охлаждением и локальным сбросом шлама, — ответила я без секунды колебания. — Никаких перфораторов. Работы ведутся захватками по полтора метра с обязательной установкой контрольных гипсовых маяков на трещины левкаса. Если маяк даёт микротрещину — бурение останавливается немедленно.

Красовский выпрямился. Снял очки, протёр их замшевой тряпочкой и удовлетворённо крякнул:

— Вот. Вот теперь я слышу мысль автора, а не пересказ рекламного буклета. Прекрасно, Вера Александровна. Просто прекрасно. Подход абсолютно зрелый, академический и при этом современный. Принцип обратимости соблюден безукоризненно.

Он повернулся к столу, где сидела Марина:

— Девушка, вносите в протокол: проектное решение по первой очереди парадного этажа особняка Бельских в части архитектурно-художественной концепции, консервации росписи и локализации разгрузочных конструкций одобрено к передаче на рассмотрение экспертного совета. Разработчик и докладчик — Климова Вера Александровна. Ведущий проектный дизайнер.

Клавиши под пальцами Марины застучали дробно и звонко, словно пулемётная очередь.

Александра Бельская шумно выдохнула, на её губах впервые за всё утро появилась искренняя, торжествующая улыбка. Она подошла к Красовскому:

— Вадим Андреевич, пойдёте, я покажу вам саму роспись. Мы сняли обшивку только с верхней части, вживую это выглядит невероятно.

— С удовольствием, дорогая Александра Николаевна, с огромным удовольствием, — закивал старик, забирая свои калоши. — Ирисы, говорите? Обожаю модерн...

Они вышли в сторону анфилады. Артём, красный как свекла, не глядя ни на кого, схватил своё пальто и выскочил в коридор следом за ними, хлопнув дверью.

Марина быстро сохранила файл, закрыла крышку ноутбука, подняла на меня глаза, полные немного восторга и страха, и торопливо выскользнула во внутренний двор.

В вестибюле остались только трое: я, Максим и Савельев.

Игорь застегнул пальто на все пуговицы. Его лицо было неподвижным, серым, как застывший цемент. Он подошёл ко мне вплотную — так близко, что я почувствовала дорогой древесный парфюм, смешанный с запахом остывшего кофе.

— Ты думаешь, ты победила, Вера? — тихо, с леденящей душу мягкостью спросил он. — Думаешь, Берестов сделал тебя королевой?

Я не отступила ни на шаг, хотя сердце колотилось о рёбра с глухой, болезненной силой.

— Я защитила проект, Игорь Владиславович. Вы получили одобрение эксперта совета. Студия сохранила контракт.

— Студия получила контракт благодаря моему имени и моим связям! — прошипел он, наклоняясь к моему уху. — А ты — просто зарплатная строчка, которая возомнила себя гением. Ты нарушила корпоративную субординацию на глазах у эксперта комитета. Ты выставила моего ведущего партнёра идиотом. Слушай меня внимательно, девочка. Запомни каждое слово.

Он поднял палец, почти коснувшись моего подбородка:

— Пока проект нужен Бельской — ты здесь посидишь. Но один. Ровно один неверный шаг. Одна сорванная поставка, один миллиметр трещины на штукатурке, один публичный спор, в котором ты посмеешь открыть рот против студии — и ты вылетишь отсюда с волчьим билетом по статье за грубое нарушение трудовой дисциплины и нанесение ущерба репутации компании. Я позабочусь о том, чтобы тебя не взяли даже визуализатором кухонь в спальном районе. И платить за лечение твоего отца тебе станет нечем уже в следующем месяце. Ты меня поняла?

Воздух застрял у меня в горле. Савельев попал точно в цель, надавив на самый обнажённый, кровоточащий нерв. Он знал мою цену. Знал, чем меня держать.

— Игорь Владиславович, — раздался сзади спокойный, размеренный голос.

Максим Берестов стоял у проектора, выключая питание тумблером. Вентилятор затих, и лампа погасла.

— Вы задерживаете комиссию, — произнёс Максим, глядя на Савельева абсолютно ровным, почти скучающим взглядом. — И нарушаете правила строительной площадки. Без каски в зоне монтажных работ находиться запрещено. Прошу покинуть вестибюль.

Савельев повернулся к нему. Улыбка на его лице стала кривой, хищной:

— А с вами, Максим Алексеевич, мы ещё поговорим. Строительный рынок Москвы тесный. Моё бюро ежегодно проектирует до тридцати объектов с реставрационными разделами. Ни одной субподрядной копейки ваша мастерская больше в этом городе не увидит. Я лично внесу вас во все черные списки генподрядчиков. Гарантирую.

— Переживу, — сухо отозвался Берестов, даже не моргнув. — До свидания, Игорь Владиславович.

Савельев развернулся на каблуках и зашагал к выходу. Дверь захлопнулась с тяжелым, глухим стуком, от которого по полу прокатилась мелкая вибрация.

Мы остались вдвоём посреди огромного полутёмного зала.

Дождь за окнами припустил сильнее, сплошной серой стеной закрывая противоположную сторону переулка. На простыне-экране больше ничего не горело. Проектор остывал, тихо потрескивая радиатором.

Я стояла у верстака, чувствуя, как силы стремительно покидают тело. Напряжение последних двух часов отхлынуло, оставив после себя ватную пустоту и ноющую боль в пояснице. Я опустила глаза на свои ботильоны, испачканные белой известью.

Савельев не шутил. Он начнёт душить меня методично, через бухгалтерию, через задержки поставок, через каждую служебную записку. Моё имя теперь официально стояло в протоколе, но цена за эту строчку оказалась непомерной.

Позади послышались шаги. Максим подошёл к верстаку, достал из кармана пачку бумажных салфеток и протянул мне одну:

— Вытрите щёку. У вас там след от маркера.

Я взяла салфетку, механически провела по скуле:

— Спасибо.

— Не за что, — он собрал со стола свои чертежи, аккуратно свернул их в плотный рулон и стянул резинкой. — Вы отлично держались перед Красовским. Чётко, по делу, без истерик. Он поверил вам, потому что вы говорили как человек, который лично прошёл каждый сантиметр этой стены.

Я подняла на него глаза. В полумраке вестибюля его лицо казалось строгим и усталым, но в серых глазах не было ни капли сомнения.

— Зачем вы это сделали, Максим? — тихо спросила я.

Он нахмурился:

— Что именно?

— Вы сожгли мосты с Савельевым. Вы же слышали, что он сказал. «Элитное пространство» — огромная машина, у них десятки связей. Он перекроет вам субподряды. Зачем вы полезли на рожон из-за строчки в протоколе? Вы могли просто промолчать. Красовский и так одобрил бы узел.

Берестов замер, глядя на меня сверху вниз. На секунду мне показалось, что он разозлится на мой вопрос, но его лицо осталось спокойным.

— Я сделал это не ради вас, Вера, — ровным, глуховатым голосом произнёс он. — И не ради того, чтобы утереть нос Лаврову. Хотя видеть его физиономию в этот момент было отдельным удовольствием.

Он подошёл к краю экрана, отвязал верхний шнур, и простыня с мягким шелестом упала ему на руки:

— Я три года назад потерял своё первое бюро, — сказал он, аккуратно складывая белую ткань вчетверо. — Мы вели реконструкцию усадьбы в Подмосковье. Работали с партнёром, которому я доверял больше, чем себе. Когда начались проблемы с согласованиями, он втайне от меня подписал протокол замены аутентичной стропильной системы на облегчённую, сэкономив деньги инвестора. А моё имя стояло на титуле как главного архитектора проекта. Крыша дала просадку через полгода. Скандал замяли, но репутацию смыло в унитаз. Партнёр открыл новую фирму на деньги того самого инвестора, а я два года выплачивал судебные неустойки и доказывал, что я не верблюд.

Максим поднял глаза, и в них блеснул холодный, не знающий компромиссов огонь:

— С тех пор у меня есть одно железное правило. На стройке не бывает коллективной безответственности. Имя в протоколе должно принадлежать тому, кто принимает решения и кто за них отвечает. Вы придумали этот метод. Вы нарисовали эти узлы. Если эта стена завтра треснет — отвечать перед законом и совестью будете вы, а не Савельев и не Лавров. А значит, ваше имя обязано там стоять. Нравится это вашему шефу или нет.

Я смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

Сухая, жестокая профессиональная честность человека, который сам прошёл через предательство и выжил, весила для меня больше любых красивых клятв.

— Он попытается вас уничтожить, — сказала я.

— Пусть попробует, — Максим чуть заметно усмехнулся углом рта, и в этой усмешке было столько спокойной, несокрушимой силы, что мой собственный страх вдруг отступил, сжался до крошечной, незначительной точки. — Мои заказчики приходят ко мне не по рекламе Савельева. Они приходят, потому что мои здания стоят и не падают. А вот вам придётся несладко. Он начнёт проверять каждую букву.

— Пусть проверяет, — я выпрямила спину и убрала салфетку в карман. — У меня есть вы, Ирина Сергеевна и журнал на дубовом столе. Мы запишем туда каждый шаг.

Берестов посмотрел на меня.

— Пойдёмте в штаб, Вера, — сказал он, закидывая сложенную простыню на плечо. — Красовский сейчас закончит охату над ирисами и потребует календарный план противоаварийных работ. А у нас до сих пор не сведена ведомость демонтажа по второму этажу.

— Идёмте, — ответила я, делая шаг к служебному коридору. — Чайник я включу сама.

Глава 6

Особняк остывал быстрее, чем мы успевали его сушить. К началу третьей недели ноябрь ударил по Москве сырыми, липкими заморозками. Дизельная пушка в вестибюле сжигала по сорок литров солярки в сутки, но стоило её заглушить на полчаса, как изо рта начинал идти густой белый пар, а свинцовые переплёты витражей покрывались жирной, скользкой испариной. Влажность в помещениях первого этажа подскочила до восьмидесяти процентов. Для векового левкаса с открытой росписью это было равносильно смертному приговору: гипс впитывал конденсат, набухал, и на отреставрированных участках с синими ирисами уже наметился едва различимый белёсый налёт солевого выпота.

В штабе проекта — бывшей комнате управляющего — изразцовая печь держала тепло до полудня, а потом остывала, и мы снова кутались в шерстяные шарфы.

На массивном дубовом столе царил упорядоченный хаос. Левую половину занимали мои образцы: выкрасы минеральными красками на гипсовых пластинах, полосы плотного льна, образцы воронёной стали и куски матового базальта. На правой половине Максима лежали строгие ряды нормативных сборников, журнал регистрации в коленкоровом переплёте и огромный, в метр шириной, разрез здания по поперечной оси.

И прямо поперек этого разреза жирным красным восковым карандашом Берестова было начерчено огромное, перечеркивающее всё перекрытие слово: «НЕДОПУСТИМО».

Я сидела на краешке стула, сжимая остывающую керамическую кружку с остатками кофе. Мои шерстяные носки в тяжелых ботинках уже не спасали от сквозняка, тянувшего по полу из щелей плитуса.

— Максим, если мы не дадим приток свежего воздуха и стабильные плюс восемнадцать к декабрю, нам нечего будет показывать на открытии, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя в висках от недосыпа и холода уже начинало пульсировать. — Примерно через четырнадцать недель сюда войдут сто пятьдесят человек. Пресса, чиновники, попечители, отец Александры. В теплой одежде. За два часа они выдохнут в объем парадного этажа сорок литров воды. Ваши законсервированные ирисы покроются пузырями прямо во время фуршета, а со свода музыкальной гостиной начнёт капать гостям за шиворот.

Берестов стоял у окна, заложив руки в карманы темно-серого свитера грубой вязки. Его плечи под плотной шерстью казались шире, чем обычно. Он смотрел во двор, где рабочие Зуевой выгружали из кузова трехметровые стальные балки для усиления подвала.

— Я знаю физику влагопереноса, Вера, — произнес он, не оборачиваясь. Голос был глухим и спокойным, с той монотонной уверенностью, которая выводила меня из себя куда сильнее открытого крика Савельева. — Но я также знаю, что инженеры по вентиляции мыслят прямыми углами и оцинкованной жестью. Они прислали мне вчера расчетный проект. Вы его видели?

— Видела.

— И что вы думаете?

— Я думаю, что это катастрофа, — честно ответила я.

Максим повернулся. В серых глазах мелькнула тень усталого любопытства:

— Вот как? А Лавров сегодня утром прислал служебную записку на имя Савельева, где утверждает, что проект смежников идеален и требует немедленного согласования в производстве. С копией Александре.

— Артём не умеет читать аксонометрические схемы инженерных сетей, — отрезала я. — Он видит в смете строку «приточно-вытяжная установка с рекуперацией тепла» и считает, что раз там стоит немецкий шильдик, значит, всё в порядке. А то, что под этот немецкий шильдик

смежники заложили магистральный воздуховод сечением шестьсот на триста миллиметров прямо под потолком парадной анфилады — он не заметил.

Я встала, подошла к столу и ткнула пальцем в разрез, где краснела надпись Берестова:

— Они предлагают пробить две несущие наружные стены под заборные решетки, опустить потолок в вестибюле на сорок пять сантиметров и зашить исторические карнизы в гипсокартонный короб. Чтобы пустить жестяную трубу над головой.

— Они не просто опускают потолок, — Максим подошел ближе, оперся кулаками о край столешницы, нависая над чертежом. От него пахло морозным воздухом, табаком и стружкой от строительного карандаша. — Они перерезают анкерные затяжки на отметке плюс четыре метра. Если мы согласуем эти отверстия, фасадная верста над окнами первого этажа потеряет поперечную связь с перекрытием. Я скорее заставлю гостей стоять в противогазах, чем подпишу этот лист.

— В противогазах никто стоять не будет, — я посмотрела ему в лицо. Мы стояли в полуметре друг от друга, разделенные только шириной дубового стола. — Александра просто закроет проект. Вы слышали её вчера? Инвестор требует комфорта. Без современной климатической системы здание не получит статус общественного культурного центра. Нам не согласуют ввод в эксплуатацию.

— Значит, дом останется памятником без ввода, — отрезал Берестов. — Но я не позволю изувечить подлинную коробку ради двухчасового банкета.

— Это не банкет, Максим! Это жизнь этого дома на следующие двадцать лет! Здание должно функционировать, иначе его продадут под отель, и тогда новые хозяева снесут не только карнизы — они выпотрошат всё до кирпичного остова и залиют бетоном! Вы этого хотите со своей стерильной музейной принципиальностью?

Берестов замер. Его челюсти сжались так, что на скулах отчетливо проступили желваки. Он смотрел на меня в упор, тяжело и холодно, не отводя взгляда.

Несколько секунд в комнате стояла такая тишина, что было слышно, как в углу тихо гудит остывающий радиатор и скребется мышь под старыми половицами.

Я ждала, что он оборвет меня. Напомнит про матрицу ответственности, про то, что инженерный контур — его исключительная зона, а мое дело — выбирать обивку стульев и колер для стен. Савельев на его месте уже орал бы о субординации. Артём спрятался бы за саркастичной усмешкой.

Но Берестов глубоко, медленно вдохнул, сдерживая раздражение, выпрямился и потер переносицу пальцами, испачканными в графите.

— Хорошо, — сказал он после тяжёлого выдоха. Усталость сделала голос глуше. — Допустим, вы правы. Воздух нужен. Объем подачи — три тысячи кубометров в час. Это минимум, который требует санитарная норма на такое количество людей. Куда вы денете три тысячи кубов без опускания потолка? Предложите решение, Вера. Только конкретное, с привязкой к осям, а не воздушные замки на кальке.

Он не захлопнул передо мной дверь. Он потребовал доказательств.

Я подошла к своему подоконнику, взяла чистый рулон полупрозрачной кальки, раскатала его прямо поверх его поперечного разреза и прижала углы четырьмя тяжелыми свинцовыми грузиками. Достала из кармана черный капиллярный лайнер.

— Смотрите, — сказала я, чувствуя, как от концентрации отступает холод в пальцах. — Где смежники расположили приточную камеру? В чердачном пространстве над музыкальной гостиной. Из-за этого им приходится тянуть магистраль вертикально вниз через жилые покои, пробивая два исторических перекрытия.

— Там больше негде, — заметил Максим, не спуская глаз с кончика моего маркера. — В подвале сырость и своды ледника, Зуева запретила ставить туда тяжелое оборудование.

— В подвале нельзя. На чердаке опасно, — я провела черную линию по задней границе здания. — А что находится вот здесь? По оси «Ж»?

Берестов прищурился, вглядываясь в план:

— Служебный коридор. Бывшая буфетная и проход на черную лестницу. Поздняя пристройка 1974 года, когда особняк приспособляли под районную библиотеку. Там нет предмета охраны, обычный силикатный кирпич и дощатые перегородки.

— Именно, — маркер быстро набросал контур узкого вытянутого помещения. — Высота потолка в буфетной — три двадцать. Высота парадной анфилады за этой стеной — пять сорок. Перепад высот больше двух метров! Мы можем разместить плоскую компактную вентиляционную установку не на чердаке, а под потолком этой пристройки. Защитить её там звукоизоляцией хоть в три слоя — исторической штукатурки там нет.

Максим наклонился ближе. Его плечо почти касалось моего, я чувствовала исходящее от него сухое, плотное тепло.

— Допустим, — его палец прочертил линию сквозь стену. — А как подать воздух в парадную зону? Стена между буфетной и вестибюлем — дореволюционная. Вы предлагаете пробить в ней шесть отверстий под диффузоры?

— Ни одного отверстия в теле исторической стены, — я покачала головой и сменила маркер на синий. — Мы используем перепад отметок пола. Помните ступени при входе из коридора в зал? Пол в парадной части поднят на сорок сантиметров на песчаной засыпке по кирпичным сводикам. Засыпку мы всё равно вынимаем по предписанию Зуевой для гидроизоляции.

Я быстро набросала схему напольного распределителя:

— Мы не тянем воздуховоды по верху. Мы пускаем плоские каналы из нержавеющей стали по полу, в толще новой сухой стяжки. А подачу воздуха делаем не сверху вниз сквозняком на головы людей, а снизу вверх, методом вытесняющей вентиляции.

Берестов молчал. Он смотрел на схему так внимательно, словно пытался просветить бумагу рентгеном.

— Вытесняющая вентиляция требует низкой скорости истечения, — медленно, вслух размышлял он. — Иначе поднимется пыль с пола. Решетки должны быть огромными по площади. Где вы их поставите в зале с открытой росписью? Закроете ирисы металлическими решетками?

— Нет, — я сделала глубокий вдох. Настал момент, когда мне приходилось резать по живому собственную задумку. — Я отказываюсь от центральной потолочной люстры и подвесных световых панелей, которые закладывала в первой концепции.

Максим удивленно поднял на меня глаза:

— Отказываетесь? Вы же три дня доказывали Александре, что без центральной световой оси гостиная будет выглядеть плоской.

— Будет, если ничего не предложить взамен, — ответила я, проводя маркером по только что набросанной схеме. — Но люстра требовала тяжелого крепления в исторический плафон. Теперь мы решаем две задачи одним элементом. Мы делаем по периметру зала сервисный пояс. Пристенные мебельные консоли из массива мореного дуба и матовой стали. Высотой ровно девяносто сантиметров — по нижней кромке исторического плинтуса.

Мой маркер быстро очертил строгую горизонталь вдоль стены:

— Внутри этих консолей мы прячем щелевые воздухораспределители. Воздух подается плавно, со скоростью ноль два метра в секунду, прямо вдоль плоскости пола, поднимаясь естественной конвекцией от тепла людей. А в верхнюю плоскость консолей мы монтируем скрытые светодиодные светильники отраженного света с теплым спектром. Свет бьет вверх, мягко заливая потолок и подсвечивая фриз с ирисами по касательной, как в сумерках. Ни одной штробы в стене. Консоли крепятся к полу на независимых регулируемых опорах. Принцип

полной обратимости: если через пятьдесят лет реставраторы решат всё снять — они просто открутят болты от пола. На исторической стене не останется даже царапины.

Я опустила маркер на стол. Пальцы мелко подрагивали от напряжения.

Комната погрузилась в тишину. За окном монотонно шумел дождь, переходящий в ледяную крупу.

Берестов стоял неподвижно, глядя на сине-черный чертеж. Его лицо не выражало ничего — профессиональная маска реставратора, привыкшего искать подвох в каждом красивом предложении. Он достал из кармана металлическую линейку, приложил к моему наброску, прикинул масштаб. Затем взял блокнот, быстро набросал формулу гидравлического сопротивления плоского воздуховода, перемножил цифры, постучал кончиком карандаша по подбородку.

Я не торопила его. В этом и была разница между Берестовым и Лавровым: Артём покупался на эффектную подачу за три секунды, не думая о последствиях, а Максим проверял каждую цифру на прочность.

Прошло не меньше пяти минут.

Наконец он отложил карандаш, поднял голову и посмотрел на меня. Холодная настороженность уступила месту чистому, строгому профессиональному признанию.

— Скорость в щелевом диффузоре придется ограничить до ноль целых пятнадцати сотых, — негромко произнес он. — Чтобы не создавать завихрений у красочного слоя левкаса. И консоли придется отодвинуть от стены минимум на пятьдесят миллиметров для циркуляции воздуха за мебелью, иначе по кирпичу пойдет грибок.

Я почувствовала, как тугой узел в груди наконец ослаб, пропуская воздух в легкие:

— Я заложу зазор в шестьдесят миллиметров. Закроем его латунной перфорированной полосой в цвет исторической фурнитуры.

— Пройдет, — Максим коротко кивнул. — По охранным нормам это идеальное решение. Оно не затрагивает предмет охраны и полностью демонтируется без ущерба для памятника. Зуева подтвердит: нагрузки на балки минимальные.

Он потянулся к журналу регистрации проектных решений, открыл свежую страницу, взял ручку и вывел четким, угловатым почерком: «Изменение трассировки приточной вентиляции первого этажа. Отказ от запотолочной прокладки по осям 1–4. Организация напольного сервисного пояса в зоне пристройки 1974 г. Разработчик концепции — Климова В. А.».

Максим расписался в графе согласования и протянул ручку мне:

— Ставьте подпись, Вера.

Я расписалась рядом. Чернила мгновенно впитались в шероховатую бумагу.

— Но это только половина дела, — Берестов закрыл журнал и посмотрел на меня с едва заметной иронией. — Завтра в десять утра сюда приедет главный инженер проекта вентиляции от смежников. Геннадий Борисович Воропаев. Мужчина старой советской закалки, шестьдесят лет в профессии, проектировал вентиляцию половины заводов Союза. Он искренне считает, что если воздуховод меньше метра в диаметре, то это не вентиляция, а баловство для парикмахерских. И он приедет с готовым актом о невозможности реализации проекта без подвесных потолков.

— И что вы предлагаете? — спросила я, завинчивая колпачок лайнера.

— Я предлагаю вам самой защитить это решение перед ним, — спокойно ответил Максим. — Я буду рядом. Я прикрою вас по нормативам охраны наследия и прочности кладки. Но аэродинамику и компоновку сервисного пояса будете докладывать вы. Если вы убедите Воропаева — Савельев с Лавровым подавятся своей служебной запиской. Вы готовы?

Я посмотрела на свой чертеж. На синюю линию сервисного пояса, которая спасала и старинные ирисы, и дыхание людей, и мою профессиональную состоятельность на этом объекте.

— Я готова, Максим, — ответила я. — Пусть приезжает ваш Воропаев.

— Тогда на сегодня всё, — он взглянул на часы. Было уже почти семь вечера, за окнами стояла глухая, черная ноябрьская тьма. — Собирайтесь. Я запрашу штаб. На стройке останутся только ночные дежурные Зуевой.

Я сняла рабочий джемпер, переделалась в пальто, завязала шарф. Пальцы все еще плохо слушались от дневного холода, плечи ломило от многочасового сидения над планшетом, но внутри впервые за последние две недели не было той липкой тревоги, с которой я просыпалась каждое утро. Было лишь ясное, сухое понимание задачи.

Мы вышли во двор вместе. Морозный воздух обжег легкие после сырости особняка. Максим щелкнул тяжелым навесным замком на калитке, проверил надежность дужки, повернулся ко мне:

— До метро дойдете? Скользко.

— Дойду, — улыбнулась я уголком губ. — У меня ботинки с правильным протектором. Сами требовали.

— Это хорошо, — он на секунду задержал на мне взгляд, кивнул и зашагал к своему старому темному внедорожнику, припаркованному под фонарем у противоположного тротуара.

Дорога до моей крошечной съемной однокомнатной квартиры на Преображенке заняла сорок минут. Вагон метро гудел, пахло мокрыми пуховиками и уличной гарью. Я сидела, прислонившись головой к холодному стеклу, и мысленно прокручивала завтрашний разговор: потери напора, щелевые решетки, сечение пленума, распределение струи...

Дома было тихо и тепло. Я включила свет в маленькой прихожей, разулась, с наслаждением вытянула гудящие ноги. Прошла на кухню, поставила на конфорку ковшик с водой — сварить дежурные спагетти.

На столе лежал желтый стикер с напоминанием: «20 ноября — реабилитация отца. 45 000 руб.». До двадцатого оставалось два дня. На зарплатной карте студии лежало ровно пятьдесят две тысячи — остаток аванса и сбережения. Если Савельев после завтрашней стычки с Воропаевым решит оштрафовать меня или задержать вторую часть выплат, резерва у меня останется ровно на шесть дней скромной жизни. Отступить было некуда. Либо проект пойдет по нашим правилам, либо меня раздавит жерновами студии.

Я налила в тарелку пасту, села за стол и достала телефон, чтобы просмотреть рабочую почту перед сном.

В почтовом ящике висело стандартное письмо от Марины Орловой с обновленным табелем и ядовитая рассылка от Савельева с напоминанием о соблюдении регламентов субподряда. Ничего нового.

Но в этот момент телефон в руке коротко завибрировал.

В мессенджере высветилось уведомление. Сообщение от контакта, который до сих пор присылал мне только сухие служебные файлы в формате PDF и отметки времени прибытия на объект.

Максим Берестов.

Я открыла чат с легким уколом тревоги: неужели Зуева нашла новую трещину в фундаменте?

На экране загрузилась фотография. Старый, пожелтевший архивный чертеж, снятый на телефон при тусклом свете настольной лампы. Тонкая графика тушью: разрез керамического цоколя с замысловатой кованой решеткой в виде стилизованных морских водорослей.

Ниже шел текст. Без дежурных приветствий и формальных фраз:

«Поднял дома описи мастерских Ваулина по заказу для усадьбы в Гатчине 1908 года. Петр Кузьмич делал для них майоликовые панели именно с нижним забором воздуха для отопительных каналов. Принцип тот же, что вы нарисовали сегодня на кальке: решетка пряталась в декоративном плинтусе, чтобы не портить фриз. Думаю, вы абсолютно правы насчет вытесняющей схемы. Что скажете, если мы закажем латунные накладки не с типовой щелевой пер-

форацией, а с просечкой по мотивам ваулинских водорослей? Нагрузку на струю я пересчитал, сопротивление не вырастет. Отдыхайте. Завтра тяжелый день».

Я сидела неподвижно над остывающей тарелкой, глядя на светящийся экран.

Это не было распоряжением технического руководителя. Не было проверкой журнала или сухим требованием регламента.

Это было первое сообщение, в котором Максим Берестов не контролировал, не запрещал и не страховал свою ответственность.

Он спрашивал мое мнение. Как равного.

Я приблизила фотографию старинного чертежа, вглядываясь в изящный изгиб латунной волны, и почувствовала, как по губам сама собой расплзается тихая, усталая улыбка.

Пальцы быстро набрали ответ:

«Водоросли спорят с ирисами по ритму, Максим. Слишком много текучей статики. Давайте возьмем геометрию стеблей — прямые вертикальные прорези с шагом двенадцать миллиметров. Это поддержит вертикали зала и даст нужный расход воздуха. Эскиз принесу к восьми утра».

Ответ пришел через три секунды. Короткий, емкий, в его обычном стиле:

«Договорились. До завтра, Вера».

Я отложила телефон, подошла к окну и посмотрела на темную ночную Москву.

Сквозь стекло дул слабый холодный сквозняк, но мне больше не было холодно. Где-то там, в темном переулке у Арбата, старый особняк Бельских стоял в ледяной ноябрьской мороси. Но теперь я знала точно: внутри его промерзших, израненных стен появился первый глоток настоящего, живого воздуха.

Глава 7

В парадном вестибюле пахло сырым песком, мокрой известью и крепким табачным дымом с улицы. К пятнице четвёртой недели переулочек превратился в серую кашу из мокрого снега и дорожных реагентов, а монтажники Зуевой заканчивали выборку грунта под сервисный пояс в пристройке и выходили курить на крыльцо каждые сорок минут. После вчерашней победы над Воропаевым — главный вентиляционщик смежников уехал с объекта трезвый, злой, но с подписанным актом согласования напольных щелевых решеток — у нас появился крошечный задел по времени. Но радоваться не получалось.

Потому что посреди вестибюля стояла парадная лестница. И она вела в никуда.

На деревянном настиле перед лестничным маршем лежали три планшета с планировочными решениями центрального холла. Все три были исчерканы фиолетовыми чернилами Александры Бельской.

На первом варианте — сдержанном, с открытой исторической геометрией и лёгкими стеклянными ограждениями — стояла размашистая надпись: «Бедно! Похоже на провинциальную библиотеку!».

На втором — с акцентом на полихромные ирисы и камерной лаунж-зоной у камина: «Где размах? Где статус? Это частный особняк или коворкинг для фрилансеров?!».

Третий вариант, законченный мною сегодня в пять утра, лежал под каблуком её замшевого сапога.

Александра стояла на нижней площадке лестницы, в расстёгнутом кашемировом пальто цвета горького шоколада, и нервно крутила на безымянном пальце массивное кольцо с дымчатым кварцем. Лицо её было серым от усталости, под глазами залегли резкие тени, которые не мог скрыть даже дорогой тональный крем, а тонкие ноздри подрагивали при каждом вдохе.

— Вы меня не слышите, Вера, — голос Бельской звенел под сводами, срываясь на металлический фальцет. — Я третий день прошу вас дать центральный акцент. Эффектный, парадный жест! Человек входит в эти двери и должен замереть. Он должен понять: здесь живут Бельские. Здесь вековая роскошь, преемственность, статус! А вы предлагаете мне оставить эти обшарпанные каменные ступени и поставить минималистичные латунные стойки?

Я стояла у верстака, чувствуя, как внутри под ребрами натягивается тугая, тонкая струна. Спать три часа в сутки ради того, чтобы твои чертежи топтали сапогами, не входило в мои карьерные планы даже за сорок пять тысяч отцовских рублей в месяц.

— Ступени не обшарпанные, Александра Николаевна. Это мячковский известняк ручной тески конца девятнадцатого века, — ответила я, заставляя себя говорить ровно и сухо, с той профессиональной бесстрастностью, за которой обычно прячут желание швырнуть планшет в стену. — Они несут естественные следы бытования. Мы снимем масляную краску советских слоев, очистим поры компрессором с дистиллированной водой и укрепим камень кремний-органическим составом.

— Плевать я хотела на кремнийорганический состав! — Александра резко взмахнула рукой, едва не задев строительную стойку. — Мне нужна лестница! Роскошная, широкая, с мраморными балясинами и ковром! Как в парижской опере! Чтобы здесь можно было принимать людей первого эшелона!

— В парижской опере ширина марша четыре метра и монолитный фундамент на сваях, — раздался с верхней площадки спокойный голос.

Максим Берестов стоял у поворота перил, держа в руках портативный ультразвуковой прибор неразрушающего контроля. На шее у него висели защитные очки, рабочая парка была расстёгнута, открывая ворот серого фланелевого батника.

Он неторопливо спустился на три ступени вниз, и дерево под его весом отозвалось глухим, протяжным скрипом.

— Мраморные балясины сюда ставить нельзя, — произнес Максим, глядя на Александру сверху вниз. — Потому что эта лестница — не монолит. Это наборные известняковые ступени, заземленные одним концом в кирпичную кладку наружной стены, а вторым опирающиеся на кованый металлический косоур. Зуева только что закончила ультразвуковое сканирование скрытых узлов. Металл косоура по правому борту потерял до тридцати процентов расчетного сечения из-за коррозии.

Берестов выключил прибор, щелкнув тумблером:

— Положите сюда мрамор — и косоур поведет при первой же нагрузке в триста килограммов. Лестница просто сползет вниз вместе с вашими гостями первого эшелона.

Александра сжала губы в тонкую белую нить.

— Значит, замените косоур! Залейте под него бетонную балку! Вы архитектор или кто?

— Я архитектор-реставратор, — отчеканил Берестов, спускаясь на площадку и останавливаясь рядом со мной. — А не фокусник. Чтобы залить сюда бетон, нужно разобрать ступени до основания, выдолбить в стене штрабу глубиной в полтора кирпича и завести туда арматурный каркас. Это два месяца мокрых процессов и полное закрытие вестибюля. У нас есть эти два месяца?

Бельская дернулась, словно от пощечины, и отвела взгляд.

Я смотрела на неё, и пазл, который не складывался последние две недели, вдруг встал на место.

Всё это время Александра вела себя как капризный ребенок с безлимитной кредитной картой. В понедельник она требовала здесь закрытый сигарный клуб для бизнес-элиты. В среду заявляла, что особняк станет частной художественной галереей с билетами по предварительной записи. Сегодня утром ей понадобился светский бальный салон с мраморными лестницами. Она металась между функциями, меняла планировки, заставляла меня перечерчивать трассировку дверей и упорно избегала любого разговора о том, кто и как будет содержать это здание после того, как мы снимем леса.

Она не просто капризничала. Она паниковала.

Я подошла к настилу, подняла с пола свой третий эскиз, отряхнула след известки с плотной бумаги и положила планшет на верстак. Затем взяла маркер, закрыла его колпачком и убрала в карман куртки.

— Вера, что вы делаете? — нахмурилась Александра. — Я не закончила правки.

— Я закончила, — сказала я.

В вестибюле повисла тишина. Рабочие у входа перестали греметь лопатами. Даже Максим замер, вопросительно приподняв бровь.

— Что значит «закончила»? — в голосе Бельской прорезались опасные, хозяйские нотки. — Вы работаете по контракту с моей семьей.

— Я работаю ведущим проектным дизайнером первой очереди, — поправила её я, глядя прямо в расширенные зрачки заказчицы. — И по матрице ответственности, которую мы подписали четвёртого ноября, я обязана выдать согласованный эскизный проект парадной анфилады к исходу четвертой недели. Сегодня пятница. Неделя заканчивается. Но я не положу на этот стол ни одного нового листа.

— Вы отказываетесь работать? — Александра шагнула ко мне, её пальцы судорожно сжались на ремешке сумки. — Я могу позвонить Савельеву прямо сейчас. Через час здесь будет Лавров с тремя новыми визуализаторами.

— Звоните, — я даже не моргнула. — Зовите Артёма. Он нарисует вам мраморные лестницы, золотые перила, фонтан посреди вестибюля и хрустальную люстру весом в тонну. Возь-

мет аванс, выпьет с вами кофе на Патриарших и пообещает золотые горы. А через месяц, когда косоур треснет под весом опалубки, он разведет руками и скажет, что виноваты подрядчики.

Я подошла к ней вплотную:

— Только Лавров не спасет этот дом. И вы это знаете. Потому что дело вообще не в лестнице, Александра Николаевна.

— А в чем же, по-вашему? — процедила она сквозь зубы.

— В том, что вы не знаете, зачем мы всё это делаем, — отрезала я. — Вы требуете от меня интерьер, но не можете дать функциональный бриф. Кому нужен этот дом? Кто сюда придет? Закрытый клуб закрывается на ключ, ему не нужна прозрачная навигация и светские анфилады. Музей требует климат-контроля и глухих штор на окнах, чтобы не выгорала графика. Банкетный зал убьет открытую роспись за полгода пьяных вечеринок. Вы меняете назначение комнат каждые сорок восемь часов, потому что сами не понимаете, что мы строим. Вы продаете воздух. Кому вы его продаете, Александра? Отцу?

Слово упало в гулкую пустоту вестибюля, как тяжелый кирпич.

Александра отшатнулась. Её лицо побелело так стремительно, что на висках проступили синие венки. На секунду мне показалось, что она сейчас замахнет и ударит меня сумкой. Вся её светская броня, весь холёный столичный апломб осыпались, как сухая штукатурка под отбойным молотком.

Она стояла посреди сквозняка, маленькая, напряженная, прижав руки к груди, и смотрела на меня с такой немой, отчаянной ненавистью, за которой прячется только одно: смертельный, животный страх.

— Вера, — негромко предостерег сзади Максим. Его рука легла мне на плечо — не грубо, но весомо, осаживая, требуя сбавить обороты. Пальцы сквозь плотную ткань куртки были жесткими.

Я не сдвинулась с места. Не сбросила его руку, но и взгляда от Бельской не отвела.

— Мы не сдвинемся с этой точки, пока вы не скажете правду, — тихо сказала я. — Мне плевать на ваши семейные конфликты. Но я не позволю похоронить проект, ради которого сожгла за собой все мосты. Либо вы говорите, какова настоящая задача, либо мы консервируем стройку и расходимся.

Александра опустила голову. Плечи её мелко дрожали.

Она стояла так долго — минуту, две. Было слышно, как за разбитым витражом зимнего сада воет сырой ноябрьский ветер и шуршит полиэтиленовая пленка на лесах.

Наконец она подняла глаза. Злость выгорела, оставив звенящую, пустую безнадежность.

— Пойдемте в штаб, — глухо сказала она. — Здесь слишком холодно.

Мы прошли по служебному коридору в комнату управляющего.

Максим плотно прикрыл тяжелую дубовую дверь, отрезая строительный шум вестибюля, и придвинул к изразцовой печи глубокое кресло с потертой кожаной обивкой. Александра опустилась в него, не снимая пальто, спрятала ледяные пальцы в карманы и уставилась на мерцающие сквозь чугунную дверцу угли.

Я села напротив, за дубовый стол. Максим остался стоять у притолоки, прислонившись плечом к косяку и скрестив руки на груди.

— Николай Васильевич не верит в этот дом, — заговорила Александра. Голос её звучал безжизненно, монотонно, словно она читала чужой некролог. — Он никогда в него не верил. Когда бабушка умерла и оставила особняк мне по завещанию, отец устроил скандал на поминках. Кричал, что старая дура выжила из ума, что этот памятник — бездонная черная дыра для денег, налог на землю и уголовная статья за ненадлежащее содержание. Он требовал, чтобы я отказалась от наследства в пользу его девелоперского холдинга.

Она горько усмехнулась, глядя в огонь:

— У него был готов проект. Снести дворовые флигели, выпотрошить парадный корпус, оставить фасадную стену как ширму, а внутри залить монолитный каркас под сетевой четырехзвездочный отель на сто двадцать номеров с подземным паркингом. Быстрые деньги, понятная окупаемость. Я отказалась. Сказала, что сохраняю дом бабушки. Что это память семьи.

— И он поставил условие, — произнес Максим из полумрака у двери.

— Он поставил капкан, — поправила Александра, подняв на него темные, сухие глаза. — Он не может забрать особняк силой — право собственности оформлено на меня, охранное обязательство висит на мне. Но у меня нет ста миллионов рублей на комплексную научную реставрацию. Мой собственный фонд пуст. И отец предложил целевой заём. Под залог самого здания.

Я похолодела:

— Под залог дома?

— Да. Он финансирует первую очередь — противоаварийные работы и консервацию парадного этажа. Ровно на шестнадцать недель. Условие одно: в конце шестнадцатой недели здесь должен состояться публичный предпоказ.

Она судорожно перевела дыхание:

— Не закрытый междусобойчик для краеведов. Публичная презентация жизнеспособной модели. Сюда придут попечители благотворительных фондов, руководство комитета по культуре, пресса и члены правления отцовского банка. Если мы покажем, что особняк может функционировать как независимый общественный культурный центр — с выставочной программой, лекторием, камерными концертами и частными грантами, — совет директоров одобрит выделение долгосрочной кредитной линии на полную реставрацию остальных этажей. Под символический процент и без права отчуждения здания.

— А если нет? — тихо спросила я, хотя уже знала ответ.

— А если предпоказ провалится, — Александра посмотрела мне прямо в глаза, — совет не откроет долгосрочную линию, а отец прекращает текущее финансирование после уже оплаченного этапа. Дальше у меня будет около месяца, чтобы найти внешнего инвестора, перекредитоваться или продать дом. Таких денег у меня нет. Зато у холдинга отца уже лежит готовое предложение о выкупе под гостиничный проект. Формально решение останется моим. Практически выбрать будет почти не из чего.

В комнате стало тихо. Слышно было только, как потрескивает сухое полено в печной топке.

Вот она, настоящая ставка.

Не капризы богатой наследницы, не кашемировые шарфы и не светский снобизм. На кону стояла жизнь дома и жизнь этой женщины — загнанной в угол, припертой к стенке собственным отцом, панически боящейся публичного позора и потери единственного, что связывало её с памятью бабушки.

Именно поэтому она требовала мрамора и парижской оперы. Она пыталась ослепить инвесторов блеском, пустить пыль в глаза отцовскому совету директоров, потому что не верила, что правда может кого-то убедить.

Максим оторвался от косяка, подошел к столу и сел на свободный стул рядом со мной. На его лице не было ни осуждения, ни жалости. Была лишь та абсолютная, расчетливая концентрация, с которой саперы подходят к неразорвавшемуся снаряду.

— Значит, модель культурного центра, — негромко произнес он. — Не клуб. Не банкетный зал.

— Да, — Александра нервно кивнула. — Культурная институция. Но с возможностью коммерческой монетизации: закрытые вернисажи, презентации книг, благотворительные аукционы. Чтобы площадка генерировала операционный доход на содержание здания.

— Тогда забудьте про парижскую оперу, Александра, — сказала я, придвигая к себе чистый лист бумаги. — Если вы попытаетесь пустить пыль в глаза банкирам дешевым новодельным мрамором поверх треснувшего косоура — они раскусят вас за первые десять минут. Ваш отец двадцать лет строит коммерческую недвижимость. Он знает цену каждому квадратному метру фальши.

Бельская растерянно посмотрела на меня:

— Но что тогда показывать? Облупленные стены?

— Показывать процесс, — отрезала я. — Показывать достоинство старого дома, который возвращается к жизни. Им не нужен фальшивый дворец. Дворцов в Москве полно. Им нужна уникальная история, в которую захотят вкладывать деньги попечители.

Я провела быструю черную линию по бумаге:

— Вестибюль — это не фойе отеля. Это открытый городской лекторий и зона временных экспозиций. Лестница — это визуальный хребет пространства. Мы не будем прятать её возраст. Мы покажем честную археологию: снимем поздние наслоения, обнажим подлинный мячковский камень, а аварийный косоур усилим современной, нарочито технологичной стальной фермой, выкрашенной в глубокий графит. Контраст столетнего песчаника и честного темного металла. Это европейский музейный язык. Это говорит о том, что у вас есть вкус, смелость и уважение к подлиннику.

Александра слушала, не шевелясь. В глубине её зрачков впервые забрезжил слабый, неуверенный интерес:

— А музыкальная гостиная?

— Камерный концертный зал на сорок посадочных мест с открытой полихромной росписью Елизаветы, — подхватил Максим. В его голосе звучала та же ровная, железная уверенность. — Консервация левкаса, сервисный пояс с отраженным светом, дубовый исторический паркет. Мы не будем дорисовывать утраченные ирисы. Мы покажем фрагмент подлинника под музейным защитным стеклом. Это статус национальной реставрационной школы, а не евроремонта.

— А зимний сад? — голос Александры дрогнул. — Мы же не успеваем восстановить купол...

— Мы не будем его восстанавливать к предпоказу, — твердо сказала я. — Сверху сделаем противоаварийный контур, а внутри оставим честный обратимый выставочный слой — такой, который можно снять без следа, когда придёт настоящее стекло. Никакой имитации исторического купола. Мы покажем сам процесс спасения и объясним, что первая очередь — не финальная декорация, а начало работающего культурного пространства.

Я положила карандаш на стол:

— Вы не будете оправдываться за незавершенность. Вы сделаете эту незавершенность своей главной силой. Вы покажете им не трату денег, а рождение института.

Александра сидела неподвижно. Её пальцы медленно разжались, отпустив кольцо.

Она перевела взгляд с меня на Максима, затем опустила глаза на набросок зонирования, который я только что набросала на листе. Тишина в комнате больше не была враждебной. Она стала рабочей, плотной, наполненной общим ритмом.

— Вы думаете... это сработает? — почти шепотом спросила она, не отрывая глаз от наброска. Словно на бумаге впервые проступила узкая тропинка над пропастью.

— Сработает, — ответил Максим. — Если мы перестанем метаться и начнем работать по единому графику. Но у меня к вам встречный вопрос, Александра.

Он подался вперед, положив локти на стол:

— Сколько у нас времени до предпоказа? Точно. Без округлений в прессе.

Александра сглотнула:

— Финал шестнадцатой недели. Двадцать второе февраля. Ровно в полдень отец войдет в эти двери вместе с комиссией банка и журналистами.

Я быстро посчитала в уме. Сегодня двадцать девятое ноября. Четвертая неделя на исходе.

— Двенадцать недель, — вслух произнесла я. В горле мгновенно пересохло. — У нас осталось ровно двенадцать недель.

— Двенадцать недель, — повторил Максим. Лицо его снова стало непроницаемым, как гранитная плита. — За это время мы должны укрепить фундаменты, смонтировать вентиляцию, законсервировать роспись, перебрать полы, запустить тепловой контур и сдать интерьеры под ключ.

Он поднялся из-за стола, подошел к календарному графику на стене, взял черный маркер и жирно перечеркнул первые четыре колонки:

— И главное, Вера.

Он повернулся ко мне:

— У нас до сих пор нет конструктивного решения по аварийному лестничному маршу. Старый косоур подлежит усилению, но Зуева не подпишет допуск на монтаж временных опор, пока мы не снимем статическую нагрузку со ступеней. Если мы не найдем способ закрепить эту лестницу без мокрых бетонных работ за следующие семьдесят два часа — в понедельник стройка встанет.

Я посмотрела на свой блокнот. На черную линию лестницы, ведущей вверх сквозь промерзший, полуразрушенный вестибюль.

Двенадцать недель до катастрофы.

Но теперь мы хотя бы знали, за что именно идем на дно.

— Семьдесят два часа, говорите? — я поднялась, натягивая перчатки. — Софья Андреевна в библиотеке?

— Да, — удивилась Александра. — Разбирает старые счета за уголь. А что?

— Пойдемте наверх, Максим, — сказала я, застегивая куртку. — В альбоме Елизаветы на двадцать шестом листе был карандашный набросок продольного разреза холла. Там стояла какая-то странная отметка в теле ступени. Я тогда не обратила внимания, думала — брак бумаги. Нужно посмотреть еще раз. Под нормальным светом.

Берестов быстро снял со спинки стула свою парку, бросил на меня короткий, собранный взгляд, в котором вспыхнула прежняя холодная искра азарта:

— Фонарь у меня в кармане, Вера. Идем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.